

lt. sing.

1405

R

Yt. Sing. 1405^K

Krasnokutsk

ДНЕВНЫЯ
ЗАПИСКИ
ПОѢЗДКИ

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ
А. Г. КРАСНОКУТСКАГО

ВЪ 1812 ГОДУ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

МОСКВА.

215.

15653/12

3736 (4p)

Александръ Григорьевичъ
Красноводскій.

033^a

Krasnokutskij

5735.

с
ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ

ПОѢЗДКИ

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ

АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА

КРАСНОКУТСКАГО

въ 1808 году,

САМИМЪ ИМЪ ПИСАННЫЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1815.

У. м. 5176

Печашашь дозволяешся съ тѣмъ, чтобы по
напечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ:
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства Просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библіотеки, и
одинъ для Императорской Академіи Наукъ.
1814 года, Октября дня. Сію рукопись
разсматривалъ Ординарный Профессоръ.

Василій Котельницкій.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ПИСЬМО КЪ ДРУГУ ПРИ ПОСЫЛКѢ ЗАПИСОКЪ.

Я получилъ письмо пвое по ту сторо-
ну Дуная, пошчасъ по окончаніи
кровопролитнаго сраженія съ Турками.
При мѣспечкѣ Рисовапо мы одержали
совершенную побѣду: храбрый Гене-
раль Милорадовичъ увѣнчался новыми
лаврами. Сей пипомецъ Суворова пере-
нимаетъ у великаго своего наставника
все то, что ведетъ къ славѣ и по-
бѣдѣ. Наши Рускіе воины умѣютъ оп-
давать справедливостъ Начальникамъ
своимъ; они кричали нѣкогда Герою
Кагульскому: „Ты прямой солдатъ!“
И здѣсь съ такимъ же радостнымъ
чувствомъ привѣспивовали они Гене-
рала Милорадовича.

Легкая конница преслѣдовала Турокъ далеко. Пощада врагамъ, по повелѣнію Начальника, всевозможно была сохраняема: Рускіе спарались бѣгущихъ Турокъ брашъ въ плѣнь. Такое очевидное милосердіе сполько же побѣждало непріятеля, какъ и сила оружія. Турки добровольно сдавались. Слава Героямъ, копорые умѣюшъ поражашъ кичливосшъ и миловашъ покорносшъ!

Мы теперь покоимся на профеяхъ; возсылаемъ благодарное моленіе къ Богу силъ, и вскорѣ полешимъ далѣе. Двуглавый Орелъ покажешъ намъ пущь, копорымъ Румянцовы и Суворовы шли въ предѣлахъ Опшоманскихъ.

Обращаюсь къ письму пвоему. Ты просилъ, мой другъ, чшобы я шебѣ сообщилъ списокъ съ журнала поѣздки моей въ Конспаншинополь. Съ удо-

вольсѣпвіемъ исполняю швое желаніе. Ты не найдешь въ Запискахъ моихъ ни вишійспва, ни запѣйливоспи слога; въ нихъ замѣчалъ я проспо все шо, что видѣлъ, что слышалъ, и все шо, что говорилъ по времени, обспояпельспвамъ и по сердечнымъ чувспвамъ моимъ.

Я уже писалъ къ тебѣ, что покойный Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, по благосклонности своей ко мнѣ, опсправилъ меня съ важными депешами прямо къ Верховному Визирю Муспафѣ Пашѣ (*). Не распроспраняюсь болѣе объ этомъ; всѣ обспояпельспва моей поѣздки подробно означены въ Запискахъ, копорыя, по чувспву сыновней горячности, посвящаю нѣжному и почпенному моему Родителю.

(*) Извѣстному подѣ именемъ *Мустафы Байрактара*.

Прощай; мы скоро опять встрѣ-
шимся съ непріятелемъ. Оспавляю перо;
и что сдѣлають Рускіе шпыки не
премину тебѣ о томъ увѣдомишь.

А . . . К . . .

4 Сентября, 1809 года.

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ

Г. КРАСНОКУТСКАГО.

1808, Октября 23.

Въ пять часовъ по полудни выѣхалъ я изъ города Букареста въ Константинополь, куда отправленъ былъ отъ Фельд-маршала Князя Александра Александровича Прозоровскаго съ делешами къ тогдашнему Великому Визирю Мустафѣ-Пашѣ, извѣстному въ Европѣ подъ именемъ Байракшара. Хотя я старался непременно прибыть къ ночи въ Рущукъ; но сильный и непрерывный дождь остановилъ меня: я принужденъ былъ ночевать на послѣдней почтѣ отъ крѣпости Журжи, въ деревнѣ Пепрѣ.

24 Октября.

Изъ деревни Пепры отправился я до свѣту, и въ семь часовъ поутру приѣхалъ въ Журжу. Въпрѣ былъ жестокий; я опасался, что онъ не позволилъ мнѣ

переправившись чрезъ Дунай. По прїѣз-
дѣ моемъ въ Журжу улицы были пусты;
всѣ Турки еще спали. У всякаго народа
свои уснановленія и обычаи. Во время
поста Рамазана Турки гуляютъ ночью,
а днемъ спятъ; къ тому же была спужа
чрезвычайная.

Съ переводчикомъ моимъ пошелъ я въ
крѣпость къ тамошнему Комменданту
Эдимъ-Пашѣ, который давно мнѣ былъ
знакомъ. Изнѣженнымъ Воспочнымъ жи-
телямъ и Октябрскій холодъ неносенъ:
Паша сидѣлъ на дворѣ, окутавшись нѣ-
сколькими шубами и шалями: подъ нимъ
разоспланъ былъ коверъ; онъ совершалъ
упреннюю молитву свою.

Паша тотчасъ меня узналъ, поздоро-
вался со мною съ важнымъ и угрюмымъ
видомъ. Я не удивился этому. Перевод-
чикъ мой, проживъ нѣсколько лѣтъ въ
Константинополѣ, узналъ довольно Ту-
рецкіе обычаи: по словамъ его, Турки
всегда бывающъ скучны въ постъ Ра-
мазанъ.

Увѣдомя Пашу для чего я отправленъ
отъ Фельдмаршала къ Верховному Визирю

Мустафѣ-Пашѣ, просилъ, чтобы меня безъ замедленія переправили черезъ Дунай. Паша убѣждалъ подождать, и показывая на Дунай, говорилъ, что уже два дни, за сильнымъ волненіемъ рѣки, никто не отваживается переправляться; при томъ же вчера утонула одна лодка, а сего дня вѣтръ еще жеспочѣе дуетъ. На убѣжденія Пашы я отвѣчалъ, что Рускіе Офицеры привыкли исполнять предписанное, не разсуждая объ опасностяхъ. Паша наконецъ согласился. По особенной снисходительности онъ самъ пошелъ на берегъ и безопговорочно приказалъ гребцамъ меня перевозить. Они долго колебались: деньги превозмогли страхъ. Люди вездѣ люди.

Мы поплыли. Дунай съ шумомъ ревелъ подъ нами. Пѣніспыя волны сильно скидывали нашу лодку, и каждую минуту грозили насъ поглотить. Нѣсколь-ко разъ были мы на краю погибели; казалось, что разгнѣванный Дунай хотѣлъ наказатъ меня за дерзость, а гребцовъ за корысть. Товарищи мои блѣднѣли и съ жалостными воплями произносили:

ишѣ Алла ! то есть : надежда на Бога. Три часа боролись мы съ волнами и непогодою ; наконецъ благополучно прибыли въ Руцукъ, гдѣ я обыкновенно останавливался въ домѣ Армянъ, брашьевъ Богосовъ. Я заспалъ одного брата, а прочіе уѣхали въ Константинополь. Въ Руцукъ также просилъ я о скорѣйшемъ отправленіи, въ чемъ Турки крайне медлительны. Живость и дѣятельность Европейцевъ несогласна ни съ образомъ жизни, ни съ нравами ихъ. Можно однако припомнить, что въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ жили нѣкогда люди, совершенно различные и нравами и образомъ мыслей.

Между тѣмъ пошелъ я къ Аджи-Бекеръ-Агѣ съ письмомъ отъ Генерала Милорадовича, и путь, не смотря на просьбы мои, по Турецкой мѣшкапности, продержали меня до вечера. Потерявъ цѣлый день, въ восемь часовъ, съ восхожденіемъ луны, отправился я въ Константинополь верхомъ, въ сопровожденіи одного Тапарина и своего переводчика.

Отъ Рущука до города Разграда, гдѣ первая перемѣна, ѣзды двенадцать часовъ или 60 верстѣ. Я пріѣхалъ въ три часа до полуночи.

25 Октября.

Отдохнувъ немного и перемѣня лошадей, отправился я до города Джумы, до котораго ѣзды отъ Разграда шесть часовъ. На дорогѣ ничего не видалъ примѣчательнаго, кромѣ частыхъ и прекрасныхъ водометовъ, изобилующихъ прозрачною водою. Воспочные жипели любящѣ украшать дороги всѣмъ тѣмъ, что можетъ увеселить и успокоить путешественника: сей обычай можно отнести къ гостепріимству ихъ. Они какъ будто бы и заочно хотящѣ угощаютъ спранныхъ!

Отъ Джумы до города Османъ Пазара ѣзды также 12 часовъ. Я пріѣхалъ туда по полудни, крайнѣ заболѣвъ дорогою. Боясь разнемочься, пустился до города Сливны; хотя почувствовалъ чрезмерную слабость, однако продолжалъ путь, и черезъ нѣсколько времени мнѣ спало гораздо легче.

Отъ Османъ Пазара до города Сливны считающъ 14 часовъ ѣзды черезъ Балканскія горы; мнѣ показалось по крайней мѣрѣ тридцать часовъ.

Какимъ ужасомъ поражаетъ взоры угрюмый и печальный видъ Балканскихъ горъ! Нѣкоторыя изъ нихъ покрыты вѣчнымъ туманомъ и снѣгомъ; вершины другихъ исчезаютъ въ облакахъ: кажется, что природа, съ дикаго чела ихъ угрожаетъ гибелью путешественникамъ, дерзающимъ къ нимъ приблизиться. По каменнымъ скаламъ едва можно ѣхать верхомъ, и я не могъ довольно надивиться, какъ приучены лошади ходить тамъ, гдѣ вся земля усѣяна грудями камней. Горе путешественнику, если лошадь его спотыкнется: гибель его неизбежна! Около 20 верстъ пробирался я узкою тропинкою. Съ одной стороны каменная отвѣсистая гора, до вершины которой не могутъ достгнуть взоры; съ другой ужасная бездна. Шумъ водопадовъ непрестанно раздается въ горахъ и усугубляетъ мрачность сего необычайнаго зрѣлища.

Темные и дремучіе лѣса, облегая всѣ вершины, не пропускаютъ солнечныхъ лучей на путешественниковъ. Осенью здѣсь самая опасная бѣда. Я принужденъ былъ иногда по десяти верстѣ идти пѣшкомъ, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гололедица; и насилу велъ лошадь по сему скольскому пуши. Турецкія подковы не только не предохраняютъ, но еще умножаютъ скользкость.

Балканскія горы простираются до 70 верстѣ; проѣзжая оныя, переходилъ я изъ одного времени года въ другое. Двадцать верстѣ ѣхалъ я зимою, осьмнадцать осенью, пятнадцать весною; у перемѣны встрѣпилъ лѣто.

Приближаясь къ почтѣ, очутился я на вершинѣ горы. Новое и очаровательное зрѣлище представилось взорамъ моимъ: съ одной стороны сіяло солнце во всемъ блескѣ: долины и поля зеленѣли; съ другой, на льдистыя высоты сыпался снѣгъ. Долго разсматривалъ я такую удивительную противоположность природы, которая напоминала мнѣ о такихъ же противоположностяхъ жизни и свѣта.

Здѣсь ужасъ и пріятность смежны между собою. И въ жизни горестъ на шагъ ошѣ радости!

Въ то самое время, когда наслаждался я разсмаприваніемъ природы и предавался размышленіямъ, провожавшій меня Тапаринъ слѣзъ съ лошади, разоспалъ верхнюю одежду свою на камнѣ, и съ умиленіемъ началъ молиться Богу, благодаря за щасливый переѣздъ черезъ горы, гдѣ угрожали намъ столько опасностей. Изъ глубины сердца моего такое же усердное моленіе возносилось къ небесамъ! Въ сію минушу припомня величественное выраженіе священнаго Пѣснопѣвца: *коснешся горамъ, и воздымаются!* мнѣ казалось, что съ грознаго чела Балканскихъ вершинъ курилась жертва Творцу Природы.

Удивительно, какъ могли люди поселиться въ сихъ горахъ. Но они привыкли къ нимъ: они не промѣняють ихъ ни на какія другія мѣста. Привычка все украшаетъ: сердце любитъ родную сторону.

Горы пробѣжалъ я два дни; на третій прибылъ въ Сливны.

Первый день ночевалъ я въ чепырехъ часахъ ѣзды отъ Османъ-Пазара, въ селеніи Чапакъ, въ домъ Булгара, гдѣ услышалъ разговоръ, нѣсколько сходственный съ Рускимъ. Въ отдаленіи отъ своей стороны и звукъ отечественной рѣчи утѣшаетъ слухъ и душу!

Дѣтямъ хозяина моего роздалъ я нѣсколько Россійскихъ серебряныхъ денегъ, говоря имъ, что на нихъ изображеніе Екатерины Второй. Булгаръ и все семейство его съ восторгомъ цѣловали образъ безсмертной Екатерины! „Мы „давно слышали, говорили они, о великой сей Государынѣ; Она хотѣла насъ „спассти отъ жестокаго ига: дай Богъ, „чтобы увидѣть намъ скорѣе Рускія „войска! Горы наши имъ не помѣшаютъ; „мы слышали, что они и не такія мѣста „проходили. Насъ увѣряютъ, что Рускіе „непремѣнно сюда будутъ.“ Я отвѣчалъ, что объ этомъ Богъ одинъ знаетъ, и совѣтовалъ имъ, чтобы они до времени были осторожныѣе.

26 Октября.

Продолжая путь Балканскими горами, прїѣхалъ я въ мѣстечко Казани, обнесенное кругомъ стѣною почти неприступною. Турецкіе бунповщики нѣсколько разъ тщетно покушались оное разграбить. Здѣсь живутъ большею частию Булгары и Арнаушы.

Осправясь въ два часа пополудни, къ ночи, прибылъ въ селеніе Вечере, гдѣ остановился у Булгарскаго попа, копорый рассказывалъ мнѣ много чудеснаго о горахъ Аѳонскихъ. Извѣстно, что и Россіяне посылаютъ многія вспоможенія ежегодно въ тамошніе монастыри.

27 Октября.

Прѣѣхавъ Балканскія горы, прибылъ я благополучно въ городъ Сливны въ 9 часу поутру; перемѣнилъ лошадей, и не мѣшкая, осправился до города Ямболи. Тутъ встрѣтилъ меня Руской солдатъ, одѣтый по Турецки. Желая здравія, ваше Благородіе! закричалъ онъ. Удивясь сему восклицанію я спросилъ: кто онъ таковъ? Солдатъ отвѣчалъ:— прежде зва-

ли меня Иваномъ Тереньшьевымъ, а теперь Солиманомъ. Меня обольстили: я измѣнилъ Богу и Вѣрѣ. Десять лѣтъ слезно плачу о проступкѣ моемъ. Я служилъ подъ начальствомъ Суворова... и говорю умереть, что бы только взглянуть на его гробъ! Скажите ваше Благородіе, землякамъ моимъ, чтобы они вѣрою и правдою служили Россіи и Государю; а по совѣсти замучить ихъ до гробовой доски!

Раскаяніе его поразило меня; но мнѣ недосугъ было продолжать съ нимъ разговора. Давъ ему при червонца, я поѣхалъ въ Адрианополь, отстоящій на осьмнадцать часовъ отъ Ямболи. На половинѣ дороги принужденъ я былъ ночевать въ селеніи Папалзарѣ.

28 Октября.

Въ 11 часовъ поутру пріѣхалъ я въ Адрианополь. Сей древній городъ довольно обширенъ; основалъ его Римскій Императоръ Андріанъ. Мечетиздѣсь весьма великолѣпны, но Константинопольскія еще превосходятъ; всѣ прочія строенія во вкусѣ Азіатскомъ.

Отъ Андріанополя до самаго Констан-
тинополя почшы нѣтъ ; Мустафа-Па-
ша оную опмѣнилъ, отъ чего и прои-
сходитъ остановка курьерамъ. Наемъ
лошадей продержалъ меня до 10 часовъ
вечера ; я выѣхалъ ночью и продолжалъ
пусть до Бабесканъ.

23 Октября.

Отъ Андріанополя до Бабесканъ 10 ча-
совъ ѣзды. Изъ Бабесканъ приѣхалъ я
въ Бургазы; до нихъ 4 часа ѣзды. Городъ
сей славится лучшею глиняною посу-
дою, копорая совершенно походитъ на
фарфоръ.

Я ночевалъ въ городъ Чорлъ, въ 10
часахъ ѣзды отъ Бургазъ. Тутъ пришли
ко мнѣ нѣсколько Турокъ и жаловались
на несправедливостъ Мустафы Паши за
испребленіе въ Турецкомъ войскѣ Хорва-
товъ. Сіи недовольные были сами же Хор-
вапы. Мустафа Паша изгналъ Хорва-
товъ по тому, что кромѣ грабежа они ни
къ чему не были годны. Многіе изъ нихъ
опплыли на корабляхъ въ чужестранныя
Державы.

Мнѣ рассказывали, что въ окрестно-
стяхъ Чорлы, за нѣсколько лѣтъ предъ

симъ, Мустафа Паша имѣлъ кровопро-
литное сраженіе съ Султанскими яны-
чарами и одержалъ побѣду. Уже онъ гро-
зилъ походомъ въ Константинополь; но
Султанъ Селимъ склонилъ его къ миру
богатыми подарками. Мустафа возвра-
тился въ Русчукъ.

30 Октября.

Изъ Чорлы отправился я въ Селивры,
и дорогою встрѣтился съ Визирскимъ
казначеемъ Ахмедомъ Эфенди, копо-
рый возвращался въ Русчукъ. Узнавъ,
что Руской Офицеръ ѣдетъ въ Кон-
стантинополь, онъ чрезъ своего чинов-
ника приказалъ мнѣ сказать, чтобъ я
какъ можно поспѣшалъ въ Царьградъ,
гдѣ со дня на день ожидаютъ важной пе-
ремѣны.

Отъ Селивры черезъ Буюкченмезы и
Тучукченмезы, берегомъ Марморнаго мо-
ря считаютъ до Константинополя две-
надцать часовъ.

Приближаясь къ нему, я пораженъ
сталъ восхитительнымъ зрѣлищемъ:
безчисленные мечети были освѣщены въ
честь поста Рамазана. Въ два часа пополу-

ночи, перебравъ проливъ, остановился въ Перѣ, по ту сторону Константинополя, гдѣ находяшся все Европейскіе Дворы. Хозяинъ мой, Армянинъ Богосъ, у котораго часто бывалъ въ Руцукѣ; онъ и все его семейство весьма мнѣ были рады.

31 Октября.

До разсвѣта послалъ я Габріеля, брата Богосова, уведомить о моемъ приѣздѣ Манука-Бей, съ которымъ былъ знакомъ въ Руцукѣ. Я просилъ, что бы онъ безъ оплагательства доложилъ обо мнѣ Верховному Визирю, Мустафѣ Пашѣ.

Манукъ-Бей первый любимецъ Мустафы Паши; всѣ Визирскія дѣла на его рукахъ. Онъ также первый Драгоманъ Порты; всѣ драгоцѣнности и сокровища въ его распоряженіи. Находясь при Мустафѣ Пашѣ нѣсколько лѣтъ, онъ зналъ свойство, нравъ и спраси его; это знаніе весьма важно тамъ, гдѣ сердца движутся тщеславіемъ и честолюбіемъ. Манукъ остроуменъ и смѣливъ, хотя и не получилъ никакого воспитанія. Онъ былъ сперва богатымъ Армянскимъ купцомъ, и при возшествіи Му-

стафы Паши на степень Верховнаго Визиря произведенъ въ Бей или Князя. Въ Турціи нѣтъ природнаго дворянства: шамъ быстро возносятся на верхъ блестящихъ чesтей, и также скоро погибаютъ отъ рукъ палача.

Верховный Визирь былъ простымъ Барехтаромъ, то есть, прикащикомъ у одного Паши близъ Руцука. Безпокойнымъ и спроппивымъ своимъ разумомъ вовлеченъ онъ въ злодѣянія. Онъ собралъ шайку, сдѣлался разбойникомъ, убилъ прежняго господина и благодѣтеля своего; вездѣ грабилъ, умножалъ скопище свое; составилъ многочисленное войско, провозгласилъ себя начальникомъ Руцука и всей Ромеліи, неоднократно угрожалъ нашеспвіемъ на Конспаншинополь. Султанъ самъ принужденъ былъ признать его Трехъ-бунчужнымъ Пашею и препроводилъ къ нему великолѣпные дары. Вскорѣ послѣ того, когда низвергли Солима съ престола, отважный и предприимчивый Мустафа Паша пришелъ въ Конспаншинополь съ своими войсками, чтобъ возвратить Селиму пре-

сполѣ; но Султанѣ Мустафа услыша о приближеніи Руцукскаго Паша, умертвилѣ брата своего Селима. Въ сихѣ обшояпельсипвахѣ, отважный Паша Мустафу Султана заключилѣ въ темницу, а на престолѣ возвелѣ меньшаго брата его Махмута; въ награду получилѣ Визирское доспоинство, и на сей чредѣ принялѣ въ самовластное управленіе Оптоманскую Имперію. Махмутѣ былѣ Султаномѣ по имени; Мустафа Паша по дѣламѣ.

Братѣ моего хозяина вскорѣ возвратился. Онѣ извѣстилѣ меня, что Манукѣ Бей побѣхалѣ къ Визирю, куда и меня приглашаешѣ. Я томѣ же часѣ отправился съ Габріелемѣ чрезѣ проливѣ, на ту сторону въ Констаншинополь, гдѣ жилѣ Вѣрховный Визирѣ. При самомѣ входѣ встрѣшилѣ меня Манукѣ Бей и пошелѣ доложить Мустафѣ Пашѣ, которой въ ту же мину ту меня къ себѣ позвалѣ.

Сѣ важнымѣ и грознымѣ видомѣ сидѣлѣ онѣ на диванѣ. На чалмѣ блиспало бриліантовое перо, а за поясомѣ алмаз-

ной кинжалъ подаренный ему Сулпаномъ Махмутомъ. Вокругъ его стояло до 500 воиновъ. Азіатская роскошь есть смѣсь пышности и ужаса.

Принявъ отъ меня письма Фельдмаршала Князя Прозоровскаго, извѣявилъ онъ чрезвычайное удовольствіе, и нѣсколько разъ повторялъ; *Софа гелды, хошъ гелды*, поздравляя меня сими словами съ прїѣздомъ. По томъ, посадя подлѣ себя, продолжалъ: „радъ очень, что опять съ вами вижусь; я принимаю васъ не такъ, какъ чиновника, а какъ стараго моего друга.“

Между тѣмъ мнѣ подали варенья, потомъ кофе и трубку, и завѣсили богатою золотою парчею. Всѣ предстоявшіе удивлены были симъ угощеніемъ, ибо во время Рамазана у нихъ никого ни чемъ не потчуютъ днемъ. Мустафа Паша готовясь къ важнымъ перемѣнамъ, можетъ быть заранѣе пріучалъ къ новостямъ.

По мановенію головы его, вышли всѣ чиновники, кромѣ Манука и Драгомана Поршы. Потомъ распечаталъ письмо, и неумѣя чищать, отдалъ оное Драгоману.

Слова письма, служившія отвѣтомъ на его письмо, привели его въ восхищеніе. „Турки давно желаютъ мира съ Россіями, но Французы происками своими, „оному препятствуютъ, лукавствуя, „будто бы они пекутся о пользѣ Турціи. Видя непрестанное Французское „злоумышленіе, возмущающее спокой- „ствіе всей Европы, я возненавидѣлъ „Французовъ. Они при всякомъ случаѣ „ради причиняютъ народамъ зло и пагубу. „Мнѣ самому Франція предлагала 30,000 „войска прошиву Рускихъ, увѣряя, что „оныя вскорѣ выручатъ Молдавію и Валла- „хію. Я не повѣрилъ. Французы каждой „области вызываются помогать съ тѣмъ „шолько, чтобы оную послѣ захватили. „Уже не разъ обманывали они Турцію. Я „недавно отрубилъ головы двенадцати „вельможамъ, преданнымъ Франціи. Пер- „вая моя цѣль заключить миръ съ Россією „и Англією, а съ Францією я искреннимъ „пріятелемъ никогда не буду. Она много „разъ насъ обманывала.“

На сіи слова я съ великимъ почтеніемъ отвѣтствовалъ, что онъ весьма спра-

ведливо судитѣ; и Фельдмаршалѣ думаетѣ, что споль умнаго челоуѣка, каковѣ онѣ, два раза обманутѣ весьма трудно.

Послѣ чего Визирѣ спросилѣ у меня: правда ли что господинѣ Л. опсшавленѣ. Когда я подтвердилѣ ему сіе, то онѣ прибавилѣ: это очень справедливо Государѣ вашѣ сдѣлалѣ; онѣ челоуѣкѣ старой, мало занимался дѣлами и былѣ обманываемѣ Французскимѣ Полковникомѣ Гильеминомѣ.

Симѣ окончился нашѣ разговорѣ. Визирѣ обѣщалѣ отпратить меня безѣ задержанія, и приказалѣ, чтобы во всѣхѣ мѣстахѣ, которые полюбопытсшвую видѣть, принимали меня съ почесшю, на что и далѣ фирманѣ.

Н о я б р я 1.

Всѣ Иноспранные дворы въ Константинополѣ пришли въ изумленіе отѣ моего пріѣзда, особливо Французской повѣренной Г. Лапурѣ Мобургѣ былѣ весьма встрѣвоженѣ пѣмѣ, что первой Руской куріерѣ пріѣхалѣ въ Констан-

пинополь, безъ препорученія Французскому двору. Всякой судилъ по своему мнѣнію; всѣ дворы доискивались причины моего прѣзда.

Я видѣлся съ молодымъ Барономъ Гибшемъ, который съ большими привѣтствіями старался вывѣдать что нибудь отъ меня; ему не удалось.

Старика Барона Гибша я не заспалъ въ городѣ. Онъ находился со всѣмъ семействомъ въ Буюкдерѣ; однакожь ожидали скоро его сюда.

Любопытство также сильно дѣйствуетъ въ Констанпинополѣ, какъ и гездѣ, и едва ли еще не болѣе. Среди народа, соблюдающаго особенную одежду и обычаи, каждый иноземецъ примѣшнѣе, нежели въ прочихъ Европейскихъ городахъ, гдѣ воспитаніе, мода и нравы уравниали почти всѣхъ жителей различныхъ странъ. Одни увѣряли, что я не военнослужащій, а Посланникъ, переодѣтой въ офицерской мундиръ; другіе Богъ знаетъ что разглашали. Слыша различные толки, я рѣшился во всѣхъ обстоятельствахъ сохранять скромность, остано-

рожностъ и молчаніе, не заботясь нимало и тогда, когда повѣренные Европейскихъ дворовъ крайнѣ занимались моимъ пріѣздомъ. Для молодого человѣка Константинополь есть училище осторожности.

Въ первый день пріѣзда моего въ Константинополь, пошелъ я послѣ обѣда прогуляться по городу. Погода была прекрасная, и солнечные лучи производили совершенно лѣтній жаръ. Кипарисы, во множествѣ повсюду распушіе, очаровали взоры и разливали пріятное благоуханіе. Всѣ сады, украшающіе Константинополь, зеленели точно такъ, какъ будто бы въ срединѣ лѣта, и на нѣкоторыхъ деревьяхъ созрѣвали плоды. Къ сожалѣнію внутренность города ни мало не соотвѣтствуетъ наружности и прелестному мѣстоположенію: дома и улицы расположены безпорядочно. Народъ вокругъ меня толпился и кричалъ: вошъ Руской Офицеръ.

Видъ главнаго кладбища поразителенъ; туда обыкновенно спекается множество жителей. Всѣ Константинопольскія кладбища обсажены кипарисами.

Сколько еще штукъ другихъ очаровательныхъ предмѣтомъ! Внизу *Пера* и строеніе *Толхина*; влево *Долма* и *Бакширъ*; насупротивъ *Анаполія*; *Азіатской* городъ *Скутари* и каналъ, который въ виду *Анаполіи* пропекая къ *Мраморному* морю, отдѣляетъ отъ *Перы* *Константинополь*. *Султанской* дворецъ возносивъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была древняя *Византія*; со всѣми сераями и принадлежностями своими проспирася оный на нѣсколько верстъ. Сей дворецъ можно почестъ волшебнымъ замкомъ. Мечеть *Святой Софіи* превосходитъ вышиною всѣ *Константинопольскія* зданія и особенно украшаетъ городъ. Вдоль по проливу, къ *Черному* морю, загородные дома *Европейцевъ* составляютъ плѣнительную картину для глазъ. Разстояніемъ они по каналу на чепыре часа ѣзды отъ *Константинополя*. Внизу, по берегу пролива, множество *Турокъ* стоятъ съ верховыми лошадьми для переѣзжающихъ. Въ *Турціи* по улицамъ можно только ѣздить верхомъ; улицы вымощены камнемъ безпорядочно и не гладко.

Не терпя обычаевъ Европейцевъ, Турки ни въ чемъ не хопяшъ на нихъ походить; они и хорошее Европейское пренебрегающъ. Къ сему закоснѣлому упрямству можно отнести неустройство Турокъ въ войскѣ, въ построении домовъ, словомъ во всемъ. Однѣ только казармы выстроены по образцу Европейскому. Наружность ихъ красива и блистательна; но стѣны весьма тонки и не могутъ долго простоять. Турки и шутъ не опснули отъ любимой своей неправильности. По проливу развѣвается множество флаговъ военныхъ и купеческихъ кораблей. Въ Перѣ большая часть иностранныхъ домовъ; тамъ встрѣтился я со многими Европейцами. Между прочимъ показывали мнѣ на кладбищѣ мраморъ, подъ которымъ покоится прахъ одного Рускаго Маіора, умершаго во время полномочнаго посольства Михаила Ларіоновича Купузова.

По захожденіи солнца возвратился я въ городъ и зашелъ къ госпожѣ Пизани. Сія почтенная женщина и въ старости

своей опличается умомъ и прозорливостію. Она приняла меня съ искреннимъ удовольствіемъ. Имя Рускаго Офицера восхищаетъ ея слухъ: два сына ея служатъ въ нашей службѣ. Разговаривая со мною опкровенно, она сказала мнѣ за тайну, что многіе ропщутъ на Мустафу Пашу, особливо Янычары, которыхъ онъ хочетъ истребить; и что по всѣмъ признакамъ восплаетъ бунтъ по окончаніи праздника Байрама. Должно замѣтить, что изъ уваженія къ святости сихъ дней, Турки воздерживаются отъ всякихъ злыхъ предприятий. Мустафа Паша, продолжала почтенная хозяйка, предчувствуетъ сію бурю; онъ не дремлетъ и принимаетъ всѣ мѣры. Уже онъ послалъ въ Ромелію за войскомъ четырехъ Пашей; но кажется, что при всей прозорливости своей онъ опоздалъ; Янычары объ этомъ узнали и едва ли дождутся Байрама; мщеніе преодолѣетъ святость закона.

Надѣясь на другой день выѣхать изъ Константинополя, я почти безъ вни-

манія пропустилъ слова госпожи Пизани; но вскорѣ узналъ, что и женщины умѣютъ предусматривать ходъ и послѣдствія политическія.

Между тѣмъ, какъ буйствєнные Янычары готовились къ мятежу, въ городѣ всѣ были довольны порядкомъ, установленнымъ Мустафою Пашею; во всѣхъ домахъ выхваляли его поступки и непристрастную его строгость. Изъ сего видно, что Янычары дѣйствуютъ безъ всякаго сношенія съ прочими жителями; многія произшествія показали власть и силу сего наглаго войска.

Въ восемь часовъ вечера побѣхалъ я съ Богосомъ и братомъ его Габріелемъ къ Мануку-Бею, который имѣетъ домъ вдоль по проливу къ Черному морю, не добъзжая Буюкдери при часа. Я пробылъ у него до одиннадцати часовъ. Онъ говорилъ мнѣ, что Порта весьма обрадована моимъ прїѣздомъ, особливо Мустафа Паша.

Возвращаясь домой не думалъ я ни о бунтахъ, ни о какихъ другихъ обстоятельствахъ; радовался, что скоро оп-

правляюсь. Но человекъ располагаетъ, а Богъ совершаетъ. Я узналъ всю истинну сихъ словъ въ бытность мою въ Конспаншинополѣ.

2 Н о я б р я.

Въ восемь часовъ по утру посѣтилъ меня Манукъ-Бей. Онъ увѣрялъ, что Визирь Мустафа непременно отправитъ меня въ нынѣшнюю ночь. Я уже замѣтилъ, что у нихъ въ продолженіи Рамазана не производятъ днемъ никакихъ дѣлъ. Манукъ-Бей прибавилъ, что Визирь ожидаетъ меня въ десять часовъ вечера для отвѣта Фельдмаршалу.

По причинѣ мѣшкатоности Турецкой и за постомъ Рамазаномъ, отлагали отвѣдъ мой день ото дня. Совѣтъ, составленный изъ всѣхъ Турецкихъ Министровъ собирався въ домъ Визиря для рѣшительнаго отвѣта на письмо Князя Прозоровскаго. Манукъ-Бей уже извѣстилъ меня, что при посланника назначены въ Яссы къ переговорамъ о мирѣ; они отправятся чрезъ три дни по отвѣдѣ моемъ.

Али Эфенди, избранный въ посольство, просилъ меня къ себѣ, и желалъ со мною познакомиться. Въ одиннадцатъ часовъ пошелъ я къ нему съ Богосомъ и Габріелемъ. Али Эфенди принялъ меня ласково и сказалъ: „мы всѣ желаемъ прочнаго и выгоднаго мира для двухъ нашихъ державъ.“ Я отвѣчалъ: „Россія всегда была тверда и непоколебима въ данномъ словѣ; она не алчетъ кровопролитія и завоеваній; съ храбрымъ воинствомъ своимъ подвизается только къ собственной оборонѣ и къ отраженію несправедливости.“

Али Эфенди не прекословилъ мнѣ. Изъ дому его пошелъ я по проливу, гдѣ разсматривалъ Турецкое кораблестроеніе и арсеналъ. И то и другое въ удивительномъ порядкѣ. Соображая съ симъ устройствомъ неправильность войска Турецкаго, построеніе домовъ, расположеніе улицъ, я помышлялъ, что не сама ли Порта благопріятствуетъ симъ наружнымъ безпорядкамъ.

Мнѣ хотѣлось также посѣпить оспрогъ, называемый по Турецки банею,

гдѣ содержатся невольники разныхъ народовъ. Спражъ сей бани оспановя меня у ворошъ, сказалъ :

„Вамъ дозволенъ отъ Визиря повсюду свободный входъ; свято чпу его повеленіе ! но скажите, что за удовольствіе видѣть спраждающее человѣчество ? Несчастіе другихъ можетъ ли утѣшать взоры и сердца ? Я увѣренъ, что вы содрогнетесь при воззрѣніи на злополучныхъ, заключенныхъ въ сихъ стѣнахъ. Звукъ цѣпей, оковы, все это васъ поразитъ, и спража сихъ плачевныхъ мѣстъ сочтете вы человѣкомъ жестокосердымъ. Напоминаніе о преступникахъ и образъ ихъ никогда неиспробится изъ мыслей вашихъ !“ . . .

Сей темничный спражъ былъ изъ Европейцевъ.

Сей день обѣдалъ я у милой старушки госпожи Пизани. Передъ обѣдомъ, Австрійскаго двора Интернунцій, Господинъ Стармеръ прислалъ своего Драгомана попросить меня къ себѣ. Съ удовольствіемъ пошелъ я къ Господину Спармеру и весьма былъ доволенъ слу-

чаемъ, доставившимъ мнѣ знакомство съ симъ почтеннымъ человекомъ. Какъ будто бы предчувствуя сколь онъ мнѣ будетъ полезенъ, я былъ въ себя опъ радости. Взаимная искренность оживляла разговоры наши.

Я не могъ у него оспаться обѣдать, давъ напередъ слово госпожѣ Пизани. Вознамѣрясь же непременно выѣхать на другой день изъ Константинополя, я съ большимъ сожалѣніемъ просился съ Господиномъ Стармеромъ и сказалъ ему: что сего дни въ ночи буду у Визиря, получу оппращеніе, а завтра выѣзжаю.

Со мной обѣдалъ у госпожи Пизани ся зять Господинъ Одюваль, первый драгоманъ Гишпанскаго двора. Онъ мнѣ говорилъ, что во всѣхъ домахъ Константинополя обо мнѣ спрашиваютъ, и никто не отгадываетъ, съ какими я препорученіями пріѣхалъ.

Въ девять часовъ вечера пошелъ я съ провожаемымъ къ проливу, чтобы переѣхать на ту сторону въ Константинополь къ Верховному Визирю,

который повѣсшилъ, что приметъ ме-
 ня въ десять часовъ. Уже я сѣлся въ
 шлюбку, какъ вдругъ прибывшій отъ
 Визиря чиновникъ, остановивъ меня, ска-
 залъ: „Визирь очень сожалѣетъ, что
 „не можетъ васъ отправить въ сію
 „ночь; онъ опозванъ на ужинъ къ Вели-
 „кому Муфти. Завтра поутру получите
 „отправление; а что бы вамъ сего дни
 „не было скучно, Визирь приказалъ уго-
 „стить васъ у Манука Бей.“ Чиновникъ
 проводилъ меня туда. Домъ Манука Бей
 былъ освѣщенъ; музыка играла, или лу-
 чше сказать пиццала: нескладныя пѣсни
 раздавались. Не знаю, какое то печальное
 предчувствіе беспокоило меня; мнѣ край-
 нѣ хотѣлось скорѣе выѣхать изъ Кон-
 стантинополя; на вечеринкѣ былъ также
 сынъ владѣтельнаго Князя Молдавскаго,
 Князь *Константинъ Мурузъ*, назначаемый
 отъ Порты Драгоманомъ съ тремя по-
 сланниками. Онъ знаетъ по Французски;
 мы почти весь вечеръ съ нимъ прого-
 ворили. Онъ рассказывалъ мнѣ, что Вер-
 ховный Визирь обучаетъ войско по
 Европейски; что Турки переняли уже

нѣкоторыя поспроенія: каре , колонну, захожденіе по взводамъ; и что со временемъ Мустафа - Паша намѣренъ истребить Янычаръ. Я отвѣчалъ, что трудно искоренить закоснѣлыя привычки, и что всѣ необычайныя перемены должны сопровождаться великою осторожностію. Впрочемъ прежде времени не лзя ничего заключать о предпріятіяхъ Верховнаго Визиря.

Манукъ-Бей увѣдомилъ меня, что ошправленіе мое гошово, и что ошъ имени Султана Махмута назначено мнѣ награжденіе. Благодаря за привѣпствіе, я сказалъ, что ничѣмъ не заслужилъ такихъ милостей. Рускіе, продолжалъ я, служатъ Государю, умѣющему награждать заслуги; первой ихъ долгъ исполнять все препорученное начальствомъ, по чему и не могу ничего принять на свой щепъ.

Пышный и великолѣпный ужинъ кончился въ часъ по полуночи.

3 Н о я б р я.

Въ пять часовъ по утру переводчикъ мой разбудилъ меня. „Мы одни остались

„во всемъ домѣ, сказалъ онъ съ торос-
 „пливостію ; на той сторонѣ начался
 „бунтъ. Богосъ и Габріель ушли; при-
 „сханъ заперша ; слышна непрерывная
 „пальба. . . . Улицы пуспы; всѣ заперлись
 „по домамъ. Поспѣвшимъ отсюда , про-
 „должалъ онъ, Янычары могутъ ворваться-
 ся, мы пропадемъ!“ Я отвѣчалъ: *лучше рѣшусь погибнуть съ теснію, нежели*
напрашиваться въ тей нибудь домъ. Я при-
сланъ къ Визирю: останусь здѣсь. Послѣ-
дуйте и вы моему примѣру.

Закуривъ трубку, сѣлъ я на диванъ,
 и между тѣмъ размышлялъ, какую при-
 несетъ пользу голова моя Янычарамъ.

Окны въ домѣ нашемъ тряслись отъ
 выстрѣловъ; переводчикъ блѣднелъ; но
 я съ надеждою на Бога и родительскія
 молитвы, былъ спокоенъ. Тутъ вспо-
 мнилъ я предсказанія госпожи Пизани.
 Въ самое это время отъ сей почтенной
 женщины и отъ Австрійскаго Министра,
 съ которымъ за нѣсколько дней предъ
 симъ познакомился, присланъ былъ ко мнѣ
 нарочный. Госпожа Пизани и Министръ

Спирмеръ въ крайнемъ объ васъ безпокойствѣ, сказалъ мнѣ присланный, думая, что вы на той споронѣ остались у Визиря, котораго домъ уже зажженъ Янычарами. Госпожа Пизани и Австрійскій Министръ убѣждали меня поспѣшить къ нему. Янычара угрожали дому Богоса.“

Мы немедленно вышли. Дорогою поспѣшилъ я госпожу Пизани, которая обрадовалась мнѣ, какъ сыну: „Боже мой! „вскричала она, вы изъ мертвыхъ воскресли!“ Съ чувствомъ живѣйшей благодарности я поцѣловалъ ея руку.

Оттуда отправился я къ господину Спирмеру; а госпожа Пизани, запечатавъ свой домъ, отправилась къ зятю своему, господину Клейцелю, второму Драгоману Австрійскаго Двора.

По опустѣлымъ улицамъ встрѣчали мы разсѣянное войско по три и четыре человека. Одни бѣжали, сами не зная, куда; другіе, навьюча лошадей порохомъ, гнали безъ памяти на ту сторону въ Константинополь.

Прошедшую ночь, смерть, такъ сказать, ходила по пятамъ моимъ. Есть-

либѣ Муфти не пригласилъ Визиря на ужинѣ, или еспѣлибѣ пробылѣ я два часа лишнихъ у Манукѣ - Бея, то безѣ сомнѣнія былѣ бы изрубленѣ Янычарами.

Примѣра столь кровопролитнаго бунта нѣпѣ во всей Турецкой исторіи. Мятежные Янычары рѣшились, во что бы то ни спало, опомспить Визирю за устройство войскѣ и за то, что онѣ явное предѣ ними преимущество опдалѣ Сейменамѣ. Въ буйномѣ неперпѣнии своемѣ они не дождались даже и окончанія Байрама: спраспи распоргаютѣ иго вѣры и законовѣ.

Изѣ дому Авспрійскаго Министра видно было все происходившее въ Констаншинополѣ. Ружейные и пушечные выстрѣлы непрестанно раздавались; народѣ былѣ въ изспупленіи; приспанѣ была заперта, никого не пускали ни съ той, ни съ другой спороны. Мятежники жгли дома: вся Порша въ огнѣ пылала! Съ придцапи кораблей, находившихся въ проливѣ, палили по городу ядрами; по улицамѣ рѣзались кин-

жалами, рубились саблями; изъ оконъ стрѣляли. Кровь и мертвые трупы вездѣ представлялись. Вопли, крикъ и шумъ мѣшались съ прескомъ оружія. Константинополь, объятый пламенемъ, уподоблялся огнедышущей горѣ.

И за нѣсколько времени все было спокойно! Вчерашній день Визирь со многими чиновниками ужиналъ у Муфти; онъ принялъ всѣ предосторожности и имѣлъ при себѣ двѣ тысячи сильно-вооруженнаго войска.

При своемъ выѣздѣ отъ Муфти, Визирь увидѣлъ пожаръ. Онъ тотчасъ угадалъ причину онаго и немедленно поскакалъ въ свой дворецъ. Хотя Янычары въ слѣдъ по немъ стрѣляли, но онъ безъ вреда доѣхалъ. Приказавъ со всѣхъ сторонъ запереть дворецъ, онъ окружилъ себя спражею; войска его отчаянно сражались съ Янычарами. Въ сей кровопролитной день съ обѣихъ сторонъ убито до двухъ тысячъ человекъ. Янычары долго не рѣшались за-жечь Визирскія палаты, зная, что тамъ хранятся почти всѣ сокровища и всѣ

важныя бумаги Визирскія. Они непре-
мѣнно хотѣли Мустафу схватить жи-
ваго. Нѣсколько разъ посылали къ нему
сказать, что все успокоилось и что
Султанъ желаетъ его видѣть. Визирь
ничему не вѣрилъ и поощрялъ войско
свое къ упорной защитѣ. Янычары въ
бѣшенствѣ окружили домъ, начали стрѣ-
лять въ окна, со всѣхъ чепырехъ
сторонъ зажгли палаты и не выпускали
опшуда никого. Видя неминуемую по-
гибель, Мустафа Паша взошелъ въ са-
мые верхніе покои, началъ самъ стрѣ-
лять, и грозно кричалъ: *жизнь моя
дорого вамъ будетъ стоить! до изнеможенія
силъ буду защищаться!* Сохраняя твер-
дость духа, Мустафа Паша не прерывалъ
пальбы; приказывалъ своему войску ра-
зить Янычаръ безъ пощады и ободрялъ
собственнымъ примѣромъ.

Зная алчность Янычаръ къ корысти,
и желая произвестъ междоусобіе, Ви-
зирь бросалъ червонцы, разные драго-
цѣнные камни, шали, чубуки, словомъ
все, что только изъ сокровищъ попа-
далось ему въ глаза. Хвапая сіи дра-

гоцѣнности, Янычары толкали другъ друга, спорили и доходили до драки. Пользуюсь симъ смященіемъ, Визирь возбуждалъ войско свое къ бою и продолжалъ стрѣлять по мятежникамъ.

Между тѣмъ пламя со всѣхъ сторонъ обхватило палаты Визирскія. Огонь повсюду врывался и все истреблялъ. Въ сію минушу, собравъ всѣ силы и всю ярость духа своего, Визирь закричалъ: *злѣди! послѣдняя минута моей жизни будетъ лютѣйшею для васъ минутою; не умру безъ мести!* Проговоря сіи слова, насыпалъ онъ нѣсколько большихъ шапокъ порохомъ, поставилъ ихъ на средину залы, и воскликнувъ: *прощай Константинополь!* сошелъ въ нижнюю часть дома въ склепъ, гдѣ чрезъ нѣсколько дней нашли его задушеннаго дымомъ. Мустафа до послѣдней минушы не терялъ присутствія духа. Исторія, объясняя его предпріятія, рѣшилъ къ какимъ людямъ причислить его.

Въ Перѣ все было спокойно: надѣялись, что Мустафа Паша побѣдитъ

Янычарѣ, ибо Вельможи и весь городъ ему были преданы.

Во весь день бунтъ часъ отъ часу усиливался. Въ продолженіи онаго найдены Турецкіе списы, прибитые къ дому Мусшафы Паши. Содержаніе оныхъ слѣдующее. „Разбойникъ, пришедшій изъ „Ромеліи, нагло ограбилъ Янычарѣ. По „слѣ праздника Байрама будетъ кро- „вопролишіе; Янычары отмстятъ.“

4 Н о я б р я.

Кровопролишіе и бунтъ продолжаются; жалостные вопли повсюду слышны. Хотя въ Перѣ и сего дня все спокойно; но горящій Консепшонпополь приводитъ всѣхъ въ ужасъ: въ случаѣ опасности всѣ готовятся опплыть на корабляхъ.

Пушечная и ружейная стрѣльба не умолкаетъ ни на минуту. Казармы и Янычарскіе дома горятъ, и мечети въ пламени.

Янычарской начальникъ, Янычарѣ-Гасы, державшій сторону Визиря, изрубленъ въ куски; шу же участь пошерпѣлъ и Государственный чиновникъ Кигай-Бей.

Мятежные Янычары хотѣли смѣ-
нить Султана Махмута, и возвести
на престолъ прежняго Султана Му-
стафу, который заключенъ въ темницу.

Капеданъ-Паша или Турецкой Адми-
ралъ вооружилъ противъ Янычаръ мно-
жество кораблей и стрѣляетъ изъ пу-
шекъ на Янычарскіе дома.

Кади Паша ѣздитъ въ Перъ по всѣмъ
улицамъ и обезоруживаетъ Янычаръ.

Манукъ-Бей опплылъ на корабль. Я
упросилъ Австрійскаго Министра пос-
лать курьера въ Букарестъ, съ кото-
рымъ подробно описалъ Фельдмаршалу
сіе ужасное произшествіе.

Думаю, что Султанъ Мустафа
умерщвленъ; но достовѣрнаго о семъ
никто не знаетъ. Въ Константино-
полѣ все пылаетъ отъ пожара; бѣдст-
венное и ужасное зрѣлище! Уже болѣе
четырехъ тысячъ домовъ сгорѣло; окро-
вавленные трупы бросаютъ въ моръ.
Нѣсколько тысячъ сдѣлались жертвою
меча и огня. Какое сердце не содро-
гнется отъ сего буйственнаго волненія
необузданности и наглости.

Говорящѣ, что Султанѣ Махмудѣ указомѣ предалѣ проклятію Янычарѣ, и какѣ разбойниковѣ и возмущителей, исключилѣ изѣ роду Магомешанѣ.

Политическія извѣстія, сообщенныя мнѣ отѣ Манука Бея, суть слѣдующія:

Вѣ Константинополѣ ожидающѣ Англическаго посланника, которой находится теперь вѣ Дарданеллахѣ. Мустафа Паша писалѣ къ Али-Пашѣ вѣ Далмацію, чтобы отнюдѣ не продаваѣ собственныя припасовѣ Французамѣ.

Французское войско, которое находится вѣ Корфу, претерпѣваетѣ большой недостатокѣ въ продовольствіи и совсѣмѣ обезсилено; Англической флотѣ пошелѣ вѣ Корфу, чтобы напасть на непріятеля.

Вѣ Гишпаніи дѣла и думѣ по сіе время вѣ пользу Гишпанцевѣ. Французскій Генералѣ Лебрюнѣ и еще два Генерала ушли вѣ Гишпанію съ нѣсколькими тысячами человекѣ; бѣгство во Французской арміи умножается.

Наполеонѣ предложилѣ Австрійскому двору объявить войну Туркамѣ; Императорѣ Римской рѣшилось ему от-

казалъ, не желая мѣшаться ни въ какіе происки.

Н о я б р я 5.

Хотя возмущеніе нѣсколько укропилось, но остервенившіеся Янычары все еще жгутъ дома и нещадно рѣжутъ войска Муспафы Паши.

Янычары одержали побѣду; буйные и поржесшвенные клики наполняютъ воздухъ. Въ безуміи своемъ они празднуютъ пораженіе и гибель своихъ собратьевъ.

Домы и имущества новаго войска изпреблены и сожжены Янычарами. Принудивъ угрозами вооружаться Армянъ и Грековъ, они преодолѣли сопротивниковъ своихъ. Капеданъ Паша и Кади Паша уплыли на лодкѣ. Я видѣлъ въ Перѣ двухъ Янычаръ, которые бѣгая по улицамъ, кричали: успокойся народъ, Янычары побѣдители! да здравствуетъ Султанъ Махмудъ!

И сіи изверги, во имя народа, грабили, жгли, умерщвляли! Истинные друзья народа и опечесства, по инымъ подвигамъ познаются. Охраняя спокойствіе и жизнь своихъ согражданъ, они не щадятъ

собственной жизни для блага и щастія
Ошечешва.

Почти всѣ возмущенія представля-
ютъ смѣсь ужасовъ, безумія и стран-
ности. Вооруженіе Янычаръ все сіе въ
себѣ заключаетъ. Одинъ держитъ пи-
столетъ, другой опломокъ бревна, пре-
тій топоръ, четвертой молопокъ, иные
вовсе безъ оружія и всѣ покрыты пра-
хомъ и кровью.

О судьбѣ Мустафы Паши еще ничего
основательнаго не знаютъ, отъ чего и
бунтъ не утихъ. Нѣкоторые разглаша-
ютъ, что онъ спасся бѣгствомъ, и что
собравъ войско, нападетъ на Констан-
тинополь. Пороша вся сгорѣла; пальба
не унимается. Около трехъ тысячъ вой-
ска Мустафы Паши заперлись въ Сул-
танскомъ дворцѣ и стрѣляютъ опшуда
непрестанно.

Многіе сожалѣютъ о Мустафѣ Пашѣ.
Онъ успановилъ въ городѣ порядокъ;
завелъ строгое благочиніе; въ правленіе
его жители наслаждались спокойствіемъ
и безопасностію. Въ дѣлахъ соблюда-

лись почность и справедливость. Онъ уменьшилъ цѣны на всѣ потребности; словомъ онъ неусыпно пекся о благо государственномъ.

Ромелія, по приверженности къ Мустафѣ Пашѣ, взбунтовалась; вся Турція въ неуспѣхѣ.

Мустафу Пашу винятъ въ томъ, что онъ попоропился въ предпріятіяхъ и явно показалъ, что буйныхъ Янычаръ хочеть замѣнить войсками Сейменовъ. Янычары учреждены еще около 1360 года Амурапомъ I, и они находящіяся почти во всѣхъ предѣлахъ державы Опшоманской.

Въ сей день умерщвленъ Султанъ Мустафа и погребенъ великолѣпно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ его отецъ. Всѣ размышленія о превратности жребія человеческого, слабо изображаютъ быстрое измѣненіе величія Турецкихъ Султановъ!

Изъ Султанскаго поколѣнія остался одинъ Махмудъ. Съ жизнію его сопряжена цѣлостъ державы.

Н о я б р я 6.

Янычара ворвались во дворецъ ; многіе изъ войска Мустафы погибли, другіе разбѣжались. Наглые побѣдители съ великимъ торжествомъ вошли къ Султану Махмуду, поздравили его съ миромъ и съ великолѣпными обрядами проводили его въ мечеть Святой Софіи, гдѣ Султанъ каждую пятницу присутствуетъ. Сей день былъ канунъ праздника ихъ Байрама, что еще болѣе придавало ему важности. Шествіе и моленіе сопровождалось пушечною пальбою.

Кажется что все утихло. О Мустафѣ Пашѣ никто ничего вѣрнаго не знаетъ. Говорятъ, что его нашли въ склепѣ задохшагося отъ дыму. Янычары владчили трупъ его по улицамъ, вопія: *Визирь Мустафа пляшетъ по Константинополю!* потомъ отрубали ему голову и производили разныя поруганія. Другіе напрошивъ утверждающъ, что они Мустафу схватили живаго и изрубили въ куски.

Съ содроганіемъ рассказываютъ о безчеловѣчныхъ поступкахъ Янычаръ съ Ви-

зирскимъ войскомъ. Захвапѣ нѣсколько
 человѣкъ, они обнажаютъ ихъ совер-
 шенно, водятъ по улицамъ, бьютъ по
 лицу, поражаютъ кинжалами и колятъ
 въ глаза; наконецъ на площадѣ изрубли-
 ваютъ ихъ въ куски. Кровь несчастныхъ
 льется ручьями по улицамъ! Кто послѣ
 опважнаго Мустафы помыслилъ о пре-
 образованіи войска, почищающаго врагами
 своими всѣхъ шѣхъ, которые пекутся
 о порядкѣ и полезныхъ государствен-
 ныхъ учрежденіяхъ? По многочисленно-
 сти своей они владычествуютъ во всей
 Турціи, и какими люпыми дѣянiями озна-
 меновываютъ сіе владычество! Древняя
Преторіанская стража, которая по про-
 изволу своему торговала въ Римѣ до-
 стоинствомъ Императорскимъ, можетъ
 почестъся благоустроенною въ сравне-
 нiи Янычаръ.

Сего дни въ вечеру все успокоилось,
 смяшеніе прекратилось, трупы убитыхъ
 бросають въ море, улицы очищаютъ для
 праздника Байрама. Новаго Визиря и дру-
 гихъ чиновниковъ скоро изберутъ. Порша
 сторбла. Присутственное мѣсто назна-

чено въ домѣ Капиджи-Паши. Колисѣ-Эфенди посаженъ въ башню: надъ нимъ будутъ производить судъ; о прочихъ чиновникахъ ничего не извѣстно.

Мустафу Пашу точно отыскали въ склепѣ задушеннаго дымомъ. За поясомъ былъ у него кинжалъ, подаренной Султаномъ Махмудомъ; въ рукѣ держалъ онъ пистолетъ.

Н о я б р я 7.

Безпрестанно палятъ изъ пушекъ въ честь праздника *Байрама*. Всѣ радуются и кричатъ, чшобы никто не вооружался, пошому что бунтъ прекратился.

Не прошло чешырехъ часовъ, безпорядокъ и шумъ опять возобновились. Повѣлено вновь вооружаться. Вездѣ разглашаютъ, что семнадцать тысячъ войска Мустафы идутъ къ Консантинополю. Успрашенные жители запираютъ дома, лавки, и всѣ спрашались новыхъ бѣдствій. Къ щасшю увѣрили войско, что уже Паша убитъ; оно возвратилось назадъ, городъ успокоился.

Опыскавъ въ склепѣ тѣло Мустафы Паши, Янычары влачили его по улицамъ, припавши на площадь, повѣсили на дерево и вопкнувъ палку въ ротъ, кричали: *смотрите, какъ Ромелійскій разбойникъ куритъ табакъ!*

Между тѣмъ носится молва, что это не Мустафы тѣло; что онъ ушелъ, и что все сіе сдѣлано для укрощенія Янычаръ.

Мать Сулпана Мустафы задушена и погребена вмѣстѣ съ сыномъ.

Сегодня въ два часа по полудни повѣстили, что Сулпанша умерщвленнаго Сулпана Мустафы родила сына, *Абдель-Амета*. Турки восхищены, что у нихъ есть наследникъ престола.

Каледанъ-Паша и *Кади Паша* еще не опысканы. Они ушли въ Ромелію и бунтуютъ народъ.

Инжибей и *Хажди-Али* также успремились съ войскомъ по Черному морю въ Ромелію. За *Котоданъ Пашею* отправлена погоня; говорятъ, что и Мустафа Паша къ нимъ присоединился. Многіе увѣряютъ, что онъ живъ. Не

возможно согласишь молвы Конспанпинпольскихъ жителей.

Во время бунта погибло до пятнадцати тысячъ мужескаго и женскаго пола. Болѣе пяти тысячъ раненыхъ Янычаръ наполняютъ казармы.

Янычары пребываютъ головъ двенадцати человекъ, которые задушили Султана Мустафу. Мятежники хотѣли провозгласить его Императоромъ; Сестра Мустафы оправилась ядомъ.

Вольперъ сказалъ, что палачъ долженъ писать Англинскую Исторію; кто же долженъ изображать происшествія Турецкой Исторіи? Альпописи бѣснующихся спрасшей вездѣ сходны: онѣ пишутся неуспроисвомъ и разрушеніемъ. Мнѣ кажется, что несправедливо называютъ Турецкое правленіе самовластительнымъ или деспотическимъ. Правленіе сіе есть безначаліе. Янычары по волѣ своей возводятъ и низвергаютъ съ престоловъ Султановъ; Паши, собравъ скопища разбойниковъ, силою восходятъ на вышнія степеніи. Буйство, алчность къ прибытку и сила все производятъ.

Правда, что торжество буйныхъ Янычаръ и мятежныхъ Пашей скоро проходитъ. Въ ужасныя времена безначалія спраспи пожираюшся спраспиями.

Описавъ столько безчеловѣчныхъ поступковъ, радуюсь, что могу предложить хотя одинъ благородный подвигъ. Янычары готовились убить *Калифъ-Ефенди*; смертоносное оружіе уже блистало надъ его головою; въ сію минуту предспааетъ *Чаушъ Паша* и безтрепетнымъ голосомъ восклицаетъ: „Что вы дѣлаете? *Калифъ Ефенди* невиненъ! Изъ всѣхъ правителей иностранныхъ дѣлъ онъ только одинъ остался; ему одному извѣстны наши дѣла. Всѣ нужныя бумаги сгорѣли. Мы желаемъ съ Россіей мира: опытность и знанія *Калифа-Ефенди* для сего необходимы.“ Сими словами великодушный *Чаушъ Паша* спасъ *Калифъ-Ефенди* отъ пяти сотъ Янычаръ.

Н о я б р я 9.

Въ городѣ приказано по ночамъ при каждомъ домѣ имѣть фонари. Одни говорятъ, что предосторожность сію

беруть для безопасности; а другіе утверждаютъ, что для опысканія единомышленниковъ *Мустафы - Паши*.

Кровожадные Янычары требовали еще лично отъ Султана пшнадцати чело-
вѣкъ, копорымъ хотѣли опрубить го-
ловы. Султанъ съ твердосію отвѣ-
чалъ: „Долго ли вы будете проливать
„кровь своихъ братьевъ? Вы еще не
„насыпились звѣрствомъ, свойствен-
„нымъ однимъ дикимъ пиграмъ! Земля
„спонетъ отъ убійственныхъ рукъ
„вашихъ . . . Невинное челоѳчество
„спражаетъ отъ окаменѣлыхъ вашихъ
„сердецъ; ваши души закоснѣли въ
„свирѣпствѣ; вы готовите гибель
„цѣлой Имперіи. Въ васъ погасла послѣд-
„няя искра шѣхъ чувствованій, копо-
„рыми одарены смертные: вы попрали
„ногами законъ совѣсти и вѣры. Вы
„подверглись посмѣянію цѣлой вселен-
„ной. Сосѣднія Государства безъ со-
„мнѣнія воспользуются бѣдствіями, по-
„ражающими предѣлы Турціи. Я вашъ
„Государь; я долженъ повелѣвать вами,
„а не вы мною. Есшлы не хошите

„мнѣ покорствовавъ, я оставляю пре-
 „споль, сложу Сулпанское достоин-
 „ство, и удаюсь въ области Азіат-
 „скія. Управляйтесь сами по произволу
 „своему; не хочу быть свидѣтелемъ
 „злодѣяній вашихъ!“

Янычары поверглись къ ногамъ *Мах-
 мута* и единогласно воскликнули: „да бу-
 „детъ твоя воля! дѣлай съ нами, что
 „хочешь. Мы покорствуемъ тебѣ; мы
 „всѣ повелѣнія твои исполнимъ.“

З А М Ѣ Ч А Н І Е.

Во время Константинопольскаго мя-
 тежа и на меня сильно наступали; но
 не Турки, а Французы и приверженцы
 ихъ. Господинъ Мобургъ, посолъ Напо-
 леона, всячески домогался увѣрить,
 что мнѣ безъ него никакъ не лзя обой-
 тись; что онъ при Портѣ всесиленъ;
 что я даже и Россійскому Начальству
 буду за то отвѣчать, что не остано-
 вился въ домѣ Французскаго Посла. На
 всѣ такія слова и угрозы я обыкновенно
 отвѣчалъ что я не политикъ и не делло-
 матикъ; не знаю никакой увертли-
 вости, а долженъ только въ точности

исполнишь препорученное мнѣ дѣло. Такимъ образомъ Мобургъ оставался при своемъ недоумѣніи, а я при моей осторожности.

Не стану упоминать о нашихъ разговорахъ; кому не извѣстна проницательность пословъ Наполеона?

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЗАПИСОКЪ.

Вскорѣ представили меня новому Визирю. Я имѣлъ честь поздравить его съ столь важною должностію и прибавилъ: ваша Свѣтлость конечно сохраните дружбу къ нашему почтенному Фельдмаршалу и полюбите его столько, сколько и предшественникъ вашъ Мусшафа Паша.

Визирь отвѣчалъ ласково: „я постараюсь еще болѣе заслужить дружбу и любовь вашего Фельдмаршала. Хотя я не имѣю чести его знать лично; но слава сего воина заставляетъ меня душевно его почитать и искать его дружества.“ Потомъ расспрашивалъ меня о здоровьи Фельдмаршала, о его лѣтахъ; и былъ внѣ себя отъ удоволь-

ствія, когда я ему сказалъ, что Фельд-маршалъ нашъ равныхъ съ нимъ лѣтъ. Онъ съ воспоргомъ сказалъ: „Слава Богу! мы два спарика постараемся возобновить между нашими двумя высокими Имперіями прежнее дружелюбіе, свойственное постоянству нашихъ лѣтъ.“ При сихъ словахъ у Визиря на глазахъ показались слезы.

Душевно сожалѣю, продолжалъ Визирь, что вашъ прїѣздъ въ Константинополь случился въ такое смутное время. Но вы находились въ безопасности, и прошедшее несчастіе нисколько не касается до политическихъ дѣлъ съ Россійской Имперіей; жалѣю однако, что произшедшій бунтъ воспрепятствовалъ ускорить успокоеніе человѣчества. При семъ случаѣ Визирь, выхваляя мою осторожность, касательно иностранныхъ Дворовъ, прибавилъ: „благоразумное ваше поведеніе въ Константинополѣ, въ семъ шумномъ городѣ, гдѣ пронырства всякаго рода извиваются какъ змѣи, много дѣлаетъ вамъ чести. Почтенной вашъ Фельдмаршалъ безъ со-

мнѣнія не оставишѣ сего безѣ вниманія; я же, въ знакѣ испинной признапельности къ вамѣ Поршѣ нашей, имѣю честь вручишѣ вамѣ опѣ великаго Султана нашего сей орденѣ (*) и табакерку, осыпанную алмазами (**). Мы всегда желали заключишѣ прочный мирѣ съ пользою для обоихѣ нашихѣ Дворовѣ, а нынѣ постараемся какѣ можно лучше и поспѣшишѣ оной совершишѣ.“

Принимая Султанскіе дары, я сказалѣ Визирю: благоволеніе его Султанскаго величества опнюдѣ не смѣю приписывать моимѣ достоисствамѣ; но щаспливому моему жребію. — Касательнo же моего поведенія, я велѣ себя такѣ въ Константинополѣ, какѣ надлежишѣ Россійскому Офицеру. Препорученіе, возложенное на меня, постараюсь выполнишѣ съ точностію: благодарное слово опѣ начальниковѣ, для Россійскихѣ Офицеровѣ дороже всѣхѣ сокровищѣ въ свѣтѣ.

(*) На ономѣ орденѣ полумѣсяцѣ и звѣзда выложены крупными бриліаншами.

(**) Цѣною оная табакерка стоишѣ тысячу червонныхѣ.

Визирь былъ пронупъ моею откровенностію и сказалъ мнѣ: „ваша искренность заспавляетъ меня болѣе васъ полюбить. Подарки сіи отъ душевнаго нашего усердія вамъ поднесены; мы за честь почитаемъ награждать достойныхъ людей.“

Я весьма удивлялся привѣтствіямъ почтеннаго старика: Турки вообще не охотники до привѣтствій. Новой Визирь зналъ Европейское обхожденіе; онъ былъ неоднократно въ чужихъ краяхъ.

Наконецъ Визирь приказалъ Рейсб-Эфенди ускорить мое отправленіе самымъ надежнымъ путемъ и принять всѣ оспорожности, чтобы въ дорогѣ не случилось мнѣ какого несчастія; и при томъ просилъ Рейсб-Эфенди сдѣлать мнѣ всякое вспомоцествованіе. Такимъ образомъ распался я съ симъ любезнымъ старикомъ.

Верховный Визирь Мемишъ имѣетъ почтенный видъ и заспавляетъ себя уважать. Ласковое его обхожденіе всѣхъ къ нему привязываетъ. Онъ весьма любимъ въ Конспаншинополѣ. Добродѣ-

тельные люди въ сей Державѣ рѣдко удерживаются на чредѣ Визирской: полагаю, что и онъ скоро будетъ опрѣшенъ.

Рейсѣ-Эфенди общалъ непременно меня опсправить чрезъ два дни.

Н о я б р я 14.

Рано по утру послалъ я переводчика моего къ Рейсѣ-Эфенди освѣдомиться о моемъ опсправленіи. Рейсѣ-Эфенди просилъ меня подождать до завтра, ибо письмо къ Фельдмаршалу еще не совсѣмъ было готово.

Новостей сей день я никакихъ не слыжалъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ носился слухъ, что нашъ Россійкой Посланникъ, господинъ Ипалинскій, умеръ въ Тріестѣ; но это ложь.

Н о я б р я 15.

Въ семь часовъ по утру я пошелъ къ Рейсѣ-Эфенди и пробылъ у него долго.

Рейсѣ-Эфенди мнѣ рассказывалъ, что недавно разграбили идущій по Адриано-

польской дорогѣ караванѣ. Нѣтъ сред-
ства ѣхать сухимъ путемъ, равнобрно
и моремъ чрезъ Варну опасно, пошому
что войско Мустафы Паши бунтуешъ
и пробѣжающимъ дѣлаешъ разныя не-
пріятности. Онѣ согласился съ Визи-
ремъ отправить меня Мраморнымъ мо-
ремъ къ Родосу; ежели же вѣперѣ поз-
волишъ, то до Ковало, а опшуда сухимъ
путемъ въ городъ Серезъ, къ тамошнему
Пашѣ Измаилу Бею. Сей Паша назначенъ
начальникомъ всей Ромелии. Къ нему бу-
дутъ одобришельныя письма, по кошо-
рымъ обезпеченъ будетъ путь мой до
Виддина, а Мулла, Паша Виддинской, от-
правитъ меня въ Краіовъ. Хошя чрез-
вычайно большой кругъ вы сдѣлаете,
сказалъ мнѣ Рейсѣ-Эфенди; но за то не
подвергнешесь никакимъ опасностямъ.
Порта за вашу жизнь отвѣчаетъ; мы
должны благополучно васъ препро-
водити.

Искренно поблагодаря Рейсѣ-Эфенди
за дружеское его предложеніе, я от-
вѣчалъ ему: благонадежно себя ввѣряю
Портѣ; мое отправленіе отъ васъ за-

виситѣ; меня ни море, ни разбой и, никакія затрудненія не устрашаютѣ; желаю только доставитѣ въ почтоспи письмо отѣ Верховнаго Визиря къ нашему Фельдмаршалу.

Между разговоромѣ Рейсѣ-Эфенди мнѣ объявилѣ, что Измаилу Бейу было предложено Визирское мѣсто; но онѣ на отрѣзѣ отказалѣ: зная непрочность счастья, онѣ ищетѣ спокойствія и не добивается почестей.

Опшоманская Порта всю надежду полагаетѣ на силу его войска. Онѣ одинѣ во всей Турціи поддерживаютѣ Государство. Султанѣ и всѣ его уважаютѣ.

Измаилѣ Бей никогда прошивѣ правленія не возспавалѣ, и всегда былѣ покоренѣ своему Государю. Онѣ общалѣ Султану въ чрезвычайномѣ случаѣ собрать пять сотѣ тысячъ человекѣ войска, ибо онѣ начальникѣ большей части Турціи.

Потомѣ Рейсѣ-Эфенди мнѣ говорилѣ, что Господинѣ Франкини его увѣрялѣ, что Россія безѣ посредствениости Франціи не можетѣ заключитѣ мирѣ съ

Турцією; а ежели неожиданно оной случится, то конечно Порша Оптоманская будетъ обольщена Россіей.

На сіи слова возразилъ я съ негодованіемъ: „Господинъ Франкини безразсудно въ ономъ ошибается. Россія имѣла и имѣетъ тысячу случаевъ завладѣть нѣкоторыми Турецкими областями; но никогда не подражаетъ шѣмъ Государствамъ, которыя нагло и безчеловѣчно похищаютъ сосѣдственныя земли; напротивъ того Россія старается заключить миръ на выгодныхъ для двухъ Имперій договорахъ. Даже теперешнее смущенное положеніе Турціи не польститъ Россію онымъ воспользоваться. Турція должна почестъ за особенное щастіе, что она въ сосѣдствѣ съ Россіей. Франція, отдаленная отъ Турціи, проницаетъ въ ней; Россія, столь близкая къ Турціи, въ случаѣ нужды защищаетъ явно и великодушно. Честность Россіи непоколебима; клеветникъ Франкини не можетъ никогда проникнуть намѣренія нашего Государя: коварство не понимаетъ правоты. Дивлюсь, какъ на-

глый злоязычникъ вздумалъ увѣрять умныхъ людей въ такой нелѣпости.“

Наконецъ прислали письмо отъ Визиря. Рейсѣ-Эфенди, вручая мнѣ оное, сказалъ: „прошу засвидѣтельствовать почтеніе Фельдмаршалу. Можетъ быть я и самъ приѣду въ числѣ трехъ Министровъ для заключенія мира, дабы я могъ забыть тѣ непріятности, которыя претерпѣвалъ во время сего Конспанпинопольскаго возмущенія. Надѣюсь выѣхать чрезъ восемь дней. Корабль, на которомъ вы отправитесь, совсѣмъ уже готовъ; съ вами поѣдетъ Офицеръ Измаила Бея, и два Тапарина будутъ васъ провожать. Севодни за проливнымъ вѣтромъ вамъ нельзя ѣхать; подождите благопріятной погоды.

Прощаясь съ Рейсѣ-Эфенди, я просилъ его, чтобы онъ позволилъ мнѣ взять съ собою еще одного надежнаго Янычара, котораго мнѣ предлагаетъ Австрійской Министръ.

Рейсѣ-Эфенди охотно, согласился, и я расстался съ симъ обходительнымъ человекомъ.

Н о я б р я 16.

И въ бездѣлицахъ рѣдко что дѣлается по нашему произволу. Я уже совсѣмъ собрался въ путь, но прошивной вѣтръ не перемѣнялся. Я послалъ переводчика къ Рейсѣ-Эфенди объявить объ ономъ и просить его отправить меня другой дорогой. Визирь убѣждалъ меня потерпѣть, и приказалъ сказать, что по всѣмъ дорогамъ опасно и лучше дожидаться благоприятнаго вѣтра.

Янычары въ Константинополѣ весьма злы на Французовъ и хотѣли было сжечь Французской дворецъ за городомъ, въ Буюхдерѣ находящейся. Едва могли ихъ удержатъ отъ такого покушенія: Янычары вездѣ провозглашаютъ, что всему несчастію Французы причиною. Они подали мысль заводить у нихъ строевое войско, за что они явно ихъ поносятъ.

Н о я б р я 17.

Противной вѣтръ все еще не перемѣнялся и препятствовалъ мнѣ ѣхать. Я совѣстился беспокоить Порту моимъ отправленіемъ, и съ терпѣніемъ ожидалъ погоды, не выходя никуда изъ дому.

Благочиніе опять въ Константино-полѣ ослабѣло: много дѣлають непріятностей по улицамъ, а особливо въ вечеру. Сего дни нашли въ городѣ много заколотыхъ людей и совсѣмъ ободранныхъ. Полиція нимало о томъ не заботится. Гдѣ такая безпечность, тамъ умножаются и злодѣянія.

Душевные чувства истинной признательности внушаютъ мнѣ съ удовольствіемъ повторить, что Австрійской Министръ, Господинъ Спирмеръ, и все его семейство во все сіе время оказывали искренность благорасположенія ихъ ко мнѣ. Я воображалъ, что нахожусь въ кругу нѣжныхъ родныхъ: никогда не забуду сей безцѣнной дружбы. На чужой сторонѣ я встрѣтилъ не чужихъ по сердцу.

Н о я б р я 18.

Рано по утрамъ объявили мнѣ, что вѣтеръ немного перемѣнился, и косымъ парусомъ, хотя съ трудностію, но по нуждѣ можно ѣхать. Съ большимъ сожалѣніемъ и съ чувствительнѣйшею благодарностію простился я съ почтеннымъ

семействомъ Господина Спирмера и за-
 шелъ по дорогѣ къ Госпожѣ Пизани. Сія
 добрая старушка много вспомошествова-
 вала мнѣ въ трудныхъ моихъ обстоя-
 тельствахъ; я съ нею простился со
 слезами, какъ будто бы съ родною. Раз-
 ставшись съ сими неоцѣненными людьми,
 пошелъ я къ берегу пролива; тамъ сѣлъ
 на лодку и поѣхалъ вдоль по проливу
 къ Черному морю. Въ Буюхдери ожи-
 далъ меня корабль. Переправясь въ оной,
 подняли пошчасъ паруса, и косымъ вѣ-
 тромъ едва едва подвигался нашъ ко-
 рабль по проливу къ Мраморному морю.
 Цѣлой день проѣздили мы, лавируя съ
 большею трудностію по каналу, и до
 самого вечера не могли вступить въ
 пространство Мраморнаго моря. При-
 ближаясь къ оному, вѣтеръ совсѣмъ
 сдѣлался проливной; насъ занесло опять
 въ Черное море. Въ самое сіе время
 Рейсѣ-Эфенди прислалъ своего человека
 на лодкѣ просить меня, чтобъ я ѣхалъ
 на ту сторону въ Константинополь;
 грозная свирѣпствовала буря, морскія

волны перебрасывали мою лодку, и я на-
силу достигъ берега.

Я ночевалъ у Рашетъ-Эфенди, повѣ-
реннаго по дѣламъ Измаила Бея; онъ
меня весьма хорошо угостилъ. Въ
домѣ его богатство и великолѣпіе по-
ражаетъ удивленіемъ. Мраморная баня,
подлѣ самой его спальни, прельщаетъ
красотою и здѣшествомъ. Въ срединѣ
оной водопадъ съ безчисленными водо-
мешами; чистая и прозрачная вода раз-
ливается съ непрерывнымъ шумомъ;
краны и пазы вызолочены. Азіатская
роскошь въ семъ случаѣ представля-
лась мнѣ въ спраннымъ видѣ, тѣмъ
болѣе, когда объявилъ мнѣ Рашетъ
Эфенди, показывая всѣ покои въ домѣ,
что въ оной банѣ нѣсколько уже лѣтъ
никто не бывалъ, а мнѣ тотчасъ
предложилъ ее. Потомъ повелъ онъ
меня въ садъ, наполненный разными
плодовитыми деревьями, которыя всѣ
еще были покрыты плодами: благо-
вошный запахъ отъ душистыхъ травъ
улаждалъ мои чувства. Решетъ-Эфен-
ди нарвалъ для меня нѣсколько анана-

совѣ, персиковѣ, апельсиновѣ и прочихъ Азіатскихъ плодовъ. Возвращаясь съ вечерняго нашего гулянья, Решетъ Эфенди открылъ мнѣ свое мнѣніе наединѣ и сказалъ: „я не думаю, чтобы пространная Россія хотѣла когданибудь завладѣть областями нашего Государства; Россія и такъ довольно обширна. Я ему въ короткихъ словахъ отвѣчалъ: дѣла политическія мнѣ не извѣстны, но безъ сомнѣнія миръ долженъ бытъ заключенъ съ выгодою обѣихъ нашихъ Имперій“.— Я старался всѣми силами перемѣнить разговоръ, и завелъ съ нимъ рѣчь о обычаяхъ разныхъ Европейскихъ народовъ. Я замѣтилъ по его словамъ, что онъ терпѣть не можетъ Французовъ: онъ много мнѣ рассказывалъ хитрыхъ обмановъ Французскаго Посланника Себастіани противъ Турокъ. Разставаясь съ Решетъ Эфенди, я благодарилъ его душевно за пріятное угощеніе. Еще до разсвѣта намѣренъ былъ я выѣхать изъ Константинополя.

Н о я б р я 19.

На разсвѣтѣ верховыя и вьючныя лошади были готовы. Пять Янычаръ назначили мнѣ въ проводники, для чего и принужденъ брать пятнадцать лошадей. Выѣзжая изъ Константинополя, остановился я нарочно подлѣ самой Семибашенной, куда во время войны Турки сажаятъ иностранныхъ посланниковъ. Долго разсматривалъ Готическое сіе зданіе, и вспомнилъ въ ту минуту о нашемъ Посланникѣ Булгаковѣ, которой заключенъ былъ въ сей башнѣ нѣсколь-ко лѣтъ. Съ ужасомъ отвратилъ я взоры отъ сей темницы; но съ душевнымъ умиленіемъ вспомнилъ, что Руской Посолъ, спрадая за Опечесство, для Опечесства забывалъ скорбь и спраданіе.

Пошелъ проливной дождь со встрѣч-нымъ вѣтромъ; я принужденъ былъ на каждахъ трехъ часахъ останавли-ваться. На дорогѣ попались мнѣ Яны-чара, копорые везли разное оружіе, похищенное у бѣглецовъ войска Мустафы Паши. Они сказывали, что Ханъ въ

одномѣ домѣ заперся съ Кади Пашею и съ двумя тысячами войска; что они упорно сражаются съ Янычарами, и твердо уповаютъ, что побѣдятъ и восторжествуютъ.

Передо мною посланъ былъ одинъ Татаринъ очищать дорогу, предупреждать опасности и заготовлять лошадей. — Онъ развозилъ письма или фирманы отъ Порты ко всѣмъ Пашамъ по городамъ, гдѣ я буду проезжать. Въ письмахъ сказано было, чтобы меня принимали какъ можно лучше и съ честью, приличною Посланникамъ. Меня называли всѣ Ильичибей, то есть, посланникъ; а другіе Безаде, то есть Княжій сынъ.

Я пріѣхалъ въ Селивру, двенадцать часовъ отъ Константинополя, въ вечеру въ 8 часовъ, и въ самой проливной дождь. Я промокъ до костей и боялся простудиться. . . . Чувствовалъ уже приступы лихорадки; къ счастью я выросъ не въ нѣгѣ; уснулъ — и всталъ какъ ни въ чемъ не бывалъ. . . . Въ Селиврѣ совсѣмъ нѣтъ войска.

Н о я б р я 20.

Въ семь часовъ выѣхалъ я изъ Селивры въ городъ Родостъ, разстояніемъ 12 часовъ; другіе оной городъ называютъ Текирда. Сіе названіе дано по горѣ, которая чрезвычайно высока и близъ самаго города.

На половинѣ дороги я остановился отдохнуть: вдругъ пріѣхали туда двадцать Турокъ хорошо вооруженныхъ. Мнѣ сказали, что это охотники, ищущіе добычи, то есть, разбойники. Мои Янычары меня успокоили и взяли предосторожности къ оборонѣ. Благодаря Богу я выѣхалъ безъ всякаго приключенія.

Погода переѣнилась, солнце проглянуло, и я съ удовольствіемъ ѣхалъ берегомъ Мраморнаго моря, разсматривая морское пространство. Пѣніспыя волны шумѣли, порывъ вѣтра стремилъ ихъ на берега; вдали бѣлѣлись летящіе на парусахъ корабли, а за ними, какъ будтобы вѣшуманѣ, возвышались тѣ Мраморныя горы, отъ которыхъ Мраморное море получило названіе. Восхищаясь разсматриваніемъ вели-

чественнаго морскаго пространства, нечаянно увидѣлъ я городъ Родостъ, выстроенный надъ самымъ берегомъ моря, на пріятномъ мѣстоположеніи. У Родоста встрѣпили меня нѣсколько Турокъ, высланные Пашею изъ города; они меня провели во дворецъ до самаго дома начальника, называемаго *Челеби Сулиманъ Ага*. Онъ принялъ меня на крыльцѣ, поздравилъ съ пріѣздомъ и всячески старался изъяслять уваженіе; каждую минуту спрашивалъ о моемъ здоровьѣ, и съ искреннимъ усердіемъ желалъ меня какъ можно лучше угощень.

При концѣ нашего разговора, копорой состоялъ о возмущеніи въ Константинополѣ, Паша убѣждалъ меня доложить нашему Фельдмаршалу, нельзя ли освободить изъ плѣна брата его *Гаджи-Гассана*, копорой находишся у Сербовъ въ Бѣл-градѣ. Онъ мнѣ другъ и братъ, примолвилъ Паша: возвраща его, возвращая мнѣ радость и щастіе. Съ удовольствіемъ общалъ я хо-

дотайспвовать, говоря: что Рускіе уважають дружество и брагскую любовь.

Онъ упросилъ меня ночевать, на что я согласился, съ уговоромъ выѣхать до свѣту. Паша Челеби Сулиманъ Ага имѣетъ въ Родостѣ войска до восьми тысячъ.

Н о я б р я 21.

Въ пять часовъ утра выѣхалъ изъ Родоста. Дорога чрезвычайно гориста до самаго города Малгары; ѣзды двенадцать часовъ.

Я много видѣлъ по дорогѣ окаменѣлыхъ кусковъ дерева; съ любопытствомъ сходилъ много разъ съ лошади, чтобы лучше разсмотрѣть окаменѣлые пни деревьевъ.

Проводники мои сказывали мнѣ, что за нѣсколько сотъ лѣтъ сія земля была покрыта моремъ, отъ чего и окаменѣлость во многихъ растѣніяхъ произошла.

Въ Молгару пріѣхалъ я въ полдень; обѣдъ для меня былъ готовъ. Встрѣча такая же была, какъ и въ Родостѣ.

Начальникъ онаго города Ахметъ-Ага ; войска у него до чешырехъ сотъ человекъ.

Послѣ обѣда, перемѣня лошадей, я выѣхалъ; до города Кеши пять часовъ.

По ужаснымъ каменнымъ скаламъ, по весьма узкимъ и крупымъ пропинкамъ пробирался я щасливо.

Съ болѣзненнымъ сердцемъ видѣлъ я много созженныхъ деревень разбойниками, не престающими еще грабить и разорять селенія; едва ли можно испребить сихъ разбойниковъ; правленіе Турецкое въ совершенномъ разспройствѣ находишся. Я пріѣхалъ въ городъ Кешу по полудни въ шесть часовъ; постой оповеденъ мнѣ у знамениаго Грека. Сей городъ населенъ почти весь Греками, но до основанія разоренъ былъ прежнимъ начальникомъ, копорой похищалъ не только ихъ имущество, но опнималъ насильно женъ и взрослыхъ дѣшей обоего пола; словомъ изсасывалъ ихъ невинную кровь.

Греки принуждены были просить о защитѣ Измаила Бей, верховнаго начальника всѣхъ оныхъ городовъ.

Измаилъ Бей, услышавъ о звѣрскихъ поступкахъ начальника города Кешу, приказалъ ему оставишь оной и явишься къ нему въ городъ Серезъ; на мѣсто же его присланъ былъ новой начальникъ *Хаджи Оглу Ахметъ Сеги* съ тремястами человекъ войска; въ непремѣнномъ же начальствѣ не былъ онъ еще утвержденъ Измаиломъ Беемъ.

Тамошній Архимандритъ, почтенный сѣдовласый спарецъ, хотя едва могъ ходишь отъ слабости здоровья, но навѣстилъ меня съ нѣкоторыми Греками, и поздравилъ съ прїѣздомъ. Съ сердечнымъ благоговѣніемъ принялъ я отъ сего духовнаго отца благословеніе и съ чувствительностію благодарилъ за оказанную мнѣ честь. Архимандритъ со всемъ обществомъ рассказывалъ мнѣ всѣ наглости и насильства прежняго начальника, и сказалъ мнѣ со слезами: „вы ѣдете въ Серезъ къ Измаилу Бее; постарайтесь испросить у Измаила Бея оставишь у насъ новаго нашего начальника, которымъ мы всѣ довольны и хвалимъ его отъ глубины при-

знательныхъ сердець. Мы единодушно, продолжалъ почтенной Архимандритъ, будемъ молить Бога о вашемъ здоровьѣ, о благополучномъ возвращеніи въ ваше отечество и о щасливомъ свиданіи съ вашими родными, что всего сладостнѣе въ жизни послѣ разлуки долговременной. Скажите намъ ваше имя; я запишу для памяти, чтобы ежедневно въ храмъ Божіемъ оное поминашь.“

Видѣ и слова благочестиваго спарца часъ отъ часу болѣе умиляли мое сердце. Я далъ ему и всему обществу честное слово непременно выполнитъ ихъ желаніе, упростиъ Измаила Бея, чтобы онъ утвердилъ навсегда ихъ начальника Хаджи Оглу Ахметъ Агу по ихъ волѣ.

Спустия часъ, Архимандритъ со всемъ обществомъ выѣхалъ отъ меня и въ напушпвіе вторично благословилъ; я съ нимъ простился съ сожалѣніемъ.

Чрезъ полчаса пріѣхалъ ко мнѣ самъ начальникъ, человекъ весьма пріятной, и ежели наружность не обманчива, то кажется человекъ доброй. Я ему пере-

сказалъ весь мой разговоръ съ Архимандришомъ, которой отдаеиъ всю справедливостъ добродѣтельнымъ поступкамъ и дружескому обхожденію съ Хриспіанами. Я благодарилъ его, говоря, что Хриспіяне всегда гошovy уважають добродѣтель, и что я и въ опечесствѣ моемъ не забуду о томъ, что цѣлое общество, одного со мною исповѣданія, любитъ чеспнаго Турецкаго начальника. Долгомъ почшу донести о вашихъ добродѣтеляхъ Измаилу Бею.“

Изыскивая всевозможныя слова къ извѣявленію благодарности, по ихъ обычаю, онъ прикладывалъ руку къ своему сердцу. Наконецъ спросилъ: „чѣмъ я могу возблагодарить васъ за предлагаемую мнѣ милостъ? „Искренностію, отвѣчалъ я, усердіемъ и дружбою къ жишелямъ сего города; дайте имъ способы къ поправленію ихъ бѣднаго состоянія. Великодушіемъ своимъ заставъте ихъ забыть всѣ прежнія заключенія; благополучіе ихъ ошасшливитъ и васъ. Такъ! шасшливъ отецъ-начальникъ! въ волѣ его сердца подчиненныхъ.“

Послѣ сего разговора онѣ со мной разстался. Меня приняли и встрѣтили съ опмѣнною честію ; придцать чело-вѣкѣ были назначены къ завтрашнему дню для препровожденія меня до первой перемѣны.

Н о я б р я 22.

Я пріѣхалѣ въ городѣ Феру, разстояніемъ отъ Кеши восемь часовѣ. Начальникѣ онаго города *Кара Гассанѣ Ага*; у него сто шестдесятѣ чело-вѣкѣ войска. Я не засталѣ его въ городѣ: онѣ ѣздиѣ осматривать свою окружностей; одна-кожѣ и безѣ него все для меня было пригото-влено. Я остано-вился у него во дворѣ.

Перемѣня лошадей, я отправился изѣ Феры по полудни въ часѣ, и пріѣхалѣ въ городѣ Мегры, разстояніемъ десяти часовѣ. Начальникѣ онаго города тотѣ самой, что и въ Ферѣ; войска тамѣ сто семдесятѣ чело-вѣкѣ. Въ Меграхѣ перемѣня лошадей, продолжалѣ путь мой далѣе. Отѣѣхавѣ при часа, наспигла меня ночь; къ щастію мѣсяцѣ освѣщалѣ оную. На

каждомъ шагу встрѣчалъ я самые лучшіе водопады и прозрачные водоемы, гдѣ я съ большимъ удовольствіемъ утолялъ жажду. Два часа продолжалъ я путь мой каменнымъ сводомъ, подобнымъ пещерѣ: двѣ каменные скалы по сторонамъ дороги вверху соединяются такъ, что препятствуютъ лунному свѣту проникать во внутренность; я вѣхалъ въ ужасной темнотѣ чрезъ сіи пещеры. — Едва только выѣхалъ я на равнину, пошелъ большой снѣгъ, который принудилъ меня, не добзжая перемѣны, въ одной деревнѣ остановиться ночевать; къ тому же Янычары мой выбились изъ силъ, утомились до крайности и усиленно просили меня объ отдыхѣ. Они удивлялись неупомимости моего здоровья и тому, съ какимъ терпѣніемъ пореносилъ я всѣ безпокойства: сдѣлавъ двадцать пять часовъ въ одни сутки, едвали чувствовалъ я какую усталость. Я ночевалъ въ одной корчмѣ, которая была почти безъ крышки и внутри наполнена грязью. Кто голоденъ, тотъ неразборчивъ въ пищу; а кому нуженъ

ночлегъ, потъ не смотритъ, каковъ онъ. Я спалъ такъ, какъ вѣрно рѣдко спятъ въ великолѣпнымъ палапахъ. Не мѣсто, а спокойствіе душевное, доставляющъ сладостный отдыхъ.

Н о я б р я 23.

Я насилу пробудился и не чувствовалъ во снѣ, какъ занесъ меня всего густой снѣгъ, которой падалъ безпрестанно. Не смотря на непогоду и на ужасную метель, я выѣхалъ изъ города Юмуржанъ, восемь часовъ ѣзды отъ Мегры. Здѣсь начальникъ Кусайнъ Ага Капая съ осьмьюстами людьми отъѣзжаго войска. Онъ меня принялъ дружелюбно и великолѣпно, стараясь въ глазахъ моихъ увеличить свое войско, которое онъ все собралъ во дворъ, вооружающее наилучшимъ образомъ. Весьма пріятно было видѣть благоустройствовъ войскъ. Паша обошелся со мною вѣжливо и привѣпливо. Ласки добрыхъ людей всего скорѣе приманиваютъ сердце странника въ дальней сторонѣ: я полюбилъ Пашу. Онъ безпрестанно спрашивалъ меня о политическихъ

новостяхъ и повторялъ, что миръ съ Россіей есть благоденствіе Турціи; Французовъ же поносилъ нещадно, говоря, что они причиною разрыва Турціи съ Россіей, и что ихъ единственная пища ссорить между собою сосѣдственныя государства, чтобы удобнѣе покорить ихъ подъ свою державу. Такого же мнѣнія былъ и славный Байракшаръ, погибшій во время Конспаншинопольскаго мятежа.

Французы привыкли, продолжалъ онъ, кровожадничать, и весьма трудно ихъ отъ онаго отвратить, развѣ силою храбраго войска можно ихъ принудить къ миру и тишинѣ (*). Ихъ удаче надобно побѣдить превосходнымъ счастьемъ.

Я ему отвѣчалъ: „ваше разсужденіе весьма справедливо; соглашаюсь съ вами; но прибавлю, что каждое государство имѣетъ свое время счастья, въ которое и слава Государства возрастаетъ; равно и время несчастія, въ которое гибель

(*) Предреченіе благоразумнаго Турецкаго чиновника оправдано въ 1813 году, у сѣбѣ горделиваго Парижа.

Государства наступаетъ. Государь, обладающій присутствіемъ духа, перенося великодушно потерю сраженій и несомнѣнно уповаетъ на благость Провидѣнія, отъ котораго ожидаетъ терпѣливо переменны щастія. Такіе Цари, слѣдуя божественной мудрости, никогда не лишаются своего Государства.“

Между шѣмъ пригошвленъ былъ пышный обѣдъ. Проворство, усердіе пылали во всѣхъ людяхъ, прислуживавшихъ во время стола. Послѣ обѣда, поблагодаря Пашу за искренность и дружбу, оказанную мнѣ въ столь короткое время, переѣхалъ лошадей и поѣхалъ я до города Янидже, двенадцать часовъ отъ Юмурджанъ, куда я прибылъ въ пять часовъ по полудни. Начальникъ въ семъ городѣ *Махметъ Ага Токузъ Огу* съ двумя сшами человекъ войска. Я также былъ тамъ довольно хорошо принятъ, хотя начальникъ былъ въ оплчкѣ; взявъ другихъ лошадей, пустился я далѣе. Не добѣжая четыре часа до города Ковало, темноша ночи меня остановила, а я принужденъ былъ ночевать въ деревнѣ.

Престарѣлый хозяинъ дома имѣлъ сто
 пятнадцать лѣтъ, въ чемъ меня всѣ
 тамошніе жители увѣряли. Онъ почти
 ослѣпъ отъ старости и едва ползалъ
 на четверенькахъ, какъ младенецъ; былъ
 глухъ и насилу выговаривалъ нѣкоторыя
 слова. Два правнука его кормятъ, и какъ
 драгоценное сокровище, сберегають по-
 слѣднія остатки силъ сего долготѣшняго
 старца. Я со слезами смотрѣлъ, когда
 сіи два усердные правнука, пили дѣда
 своего подобно тому, какъ кормилица пи-
 таетъ дѣтей; одинъ его поднялъ и дер-
 жалъ, а другой клалъ въ уста пищу. При
 семъ зрѣлищѣ любви и благоговѣнія къ
 престарѣлости, мысленно и сердцемъ
 перенесся я на родину, въ жилищѣ
 престарѣлаго моего родителя. О! сколь
 буду я щасливъ, сказалъ я про себя,
 есѣли опслужу Царю вѣрой и правдой,
 возмогу и я беречь и покоить нѣжнаго
 отца!

Н о я б р я 24.

Проснувшись, снова насладился я кар-
 тиною сыновней горячности. Долготѣп-
 ней старецъ посреди своихъ двухъ

правнуковъ покоился сладкимъ сномъ. Я боялся прервать щасливое сновидѣніе, полагая, что и вснѣ видѣтъ онъ милыхъ правнуковъ своихъ! Безъ всякаго шума выѣхалъ я изъ деревни.

До самого почти города Ковало я проѣзжалъ рядами масличныхъ деревъ, на копорыхъ чернелось множество маслинъ. Вкусъ свѣжихъ маслинъ весьма прошивенъ.

Въ Ковало пріѣхалъ я по утру въ восемь часовъ. Небольшой сей городокъ выстроенъ на возвышеніи надъ самымъ берегомъ Мраморнаго моря. Мнѣ сказывали, что городъ сей промышляетъ хлопчатой бумагой. На морѣ видѣлъ я довольно число купеческихъ кораблей.

Отъ Конспанпинополя до самого Ковало я ѣхалъ берегомъ Мраморнаго моря; а здѣсь, взявъ въ право, распрощался съ морскимъ пространствомъ: мало по малу удалялся я отъ береговъ морскихъ, наконецъ море скрылось изъ глазъ моихъ.

Я пріѣхалъ по полудни въ пять часовъ въ городъ Прависъ, разстояніемъ

отъ Ковала восемь часовъ. Начальникъ
оного города *Кабиджи Баша Али Ага* ;
войска при немъ сто шестидесятъ че-
ловѣкъ. Перемѣня лошадей и отобѣдавъ
у начальника, я отправился въ Серезъ.

Сей переѣздъ былъ и великъ, и го-
ристъ. Отъ крайней усталости я при-
нужденъ былъ ночевать въ пяти ча-
сахъ отъ Сереза.

Отъ Ковала вездѣ по полямъ по-
сѣяна хлопчатая бумага, единственное
произведеніе сей земли. Я съ любопыт-
ствомъ срывалъ хлопчатую бумагу, ко-
торая росла на подобіе маку; въ
иныхъ шишкахъ чистая хлопчатая бу-
мага. Что видимъ въ первый разъ, то
особенно возбуждаетъ любопытство и
вниманіе.

На дорогѣ встрѣчился я съ зятемъ
Измаила Бея, который выѣхалъ на
охоту съ двумя спами чловѣкъ своего
войска и со множествомъ собакъ. Увидя
меня издали, тотчасъ поскакалъ ко мнѣ
на встрѣчу; здѣсь всѣ были преду-
преждены о моемъ пріѣздѣ.

Познакомясь со мной, онъ распрашивалъ съ большимъ жаромъ о возмущеніи, происшедшемъ въ Константинополѣ, и удивлялся щастливому моему жребію. Разговоръ нашъ болѣе часа продолжался; наконецъ онъ предложилъ мнѣ переночевать въ его деревнѣ по дорогѣ къ Серезу, а самъ побѣхалъ въ городъ Загры, гдѣ пребываніе имѣетъ въ спорѣ онъ дороги. Онъ далъ мнѣ двухъ проводниковъ; я поблагодарилъ его, и мы расстались.

Едва прибылъ я въ деревню, уже все было для меня готово. Такая заботливоспъ принадлежишъ къ правиламъ гостепріимства.

Н о я б р я 25.

Рано до восхожденія солнца я выѣхалъ изъ сей деревни до города Сереза, разстояніемъ отъ Прависта двенадцать часовъ.

На разстояніи трехъ часовой ѣзды до Сереза я былъ встрѣченъ первымъ купцомъ по Серезу, Грекомъ Дмипріемъ Хажди Косшамъ, съ копорымъ было еще нѣсколько человекъ. Онъ меня про-

водилъ съ отличною вѣжливостію до
самаго своего дома. Назначенный для
меня домъ Хажди огроменъ и довольно
богато убранъ. Въ Серезѣ главной на-
чальникъ самъ Измаилъ Бей, съ десяти-
тысячами человекъ самаго отборнаго
войска.

Отъ Конспаншинополя до самаго
города Сереза шли проливные дожди
во все время моего путешествія, отъ
чего я имѣлъ неоднократно жесто-
кую лихорадку; однако, не смотря на
то, продолжалъ ѣхать, чему чрезвы-
чайно удивлялись Турецкіе начальники.
Когда усиливалась лихорадка, я оста-
навливался ночевать. Турки весьма
соспрадали о моемъ положеніи; я имъ
говорилъ: „я не чувствую болѣзни, слу-
жа Государю и Отечеству; ревность
и усердіе Россіянъ къ Государю без-
предѣльны; гдѣ пребудетъ польза оте-
чества, тамъ сладостно преодолевать
всѣ препятствія. Такъ чувствуютъ и
такъ поступаютъ вѣрные сыны Россіи.
Каждой воинъ и гражданинъ почиаетъ
первымъ щасіемъ служить своему Госу-

дарю : вотъ отъ чего у насъ въ Россіи никогда не можетъ быть внутреннихъ безпокойствъ. Всѣ готовы жертвовать жизнію для Государя и Опечества своего.“ Благодаря Бога, пріѣхавъ въ Серезъ, я вовсе избавился лихорадки отъ верховой ѣзды. Богъ подкрѣпляетъ усердіе.

Измаилъ Бей завелъ строгой порядкъ въ своемъ войскѣ. Всѣ къ нему привязаны и онъ всѣми любимъ: вездѣ, гдѣ войско его расположено, уже нѣсколько лѣтъ не было никакихъ смутеній, и всѣ жили весьма спокойно. Вотъ дѣйствіе справедливой строгости; гдѣ попущеніе — тамъ и своеволие.

Послѣ обѣда побѣхалъ я во дворецъ къ Измаилу Бей съ большею пышностію. Измаилъ Бей принялъ меня дружески, и въ ту же минуту спросилъ : довольны ли вы были начальниками тѣхъ городовъ, чрезъ которые проѣзжали? Я не могу безъ восхищенія, отвѣчалъ я ему, изъяснить моей признательности какъ начальникамъ, такъ и вамъ, верховному ихъ начальнику, за друже-

ской и пріятной пріємъ, копорой мнѣ вездѣ оказывали.

Измаилъ Бей продолжалъ: „я получилъ письма изъ Константинополя, въ копорыхъ меня увѣдомляющъ, что Порша и Султанъ были весьма довольны вашимъ поведеніемъ; всѣ признающъ васъ достойнымъ тѣхъ награжденій, копорыя вы получили отъ нашего Султана. Прошу васъ сказать мнѣ, скоро ли у насъ заключенъ будетъ миръ, и на твердомъ ли основаніи?“ Я ему отвѣчалъ: миръ, копорой заключаешъ Россія съ какимъ бы то ни было Государствомъ, всегда непоколебимъ и утверждается искренностію. Ежели вы позволите мнѣ откровенно съ вами говорить, то я скажу вамъ то, что чувствую. Покойный вашъ Султанъ Селимъ былъ самъ причиною разрыва союза между нашими двумя Имперіями. По какимъ причинамъ Селимъ дѣлалъ всякія вспомошествованія Франціи, враждовавшей противъ Россіи? . . . Великодушная Россія умѣетъ карать враговъ спротиви-

выхъ , и миловать покорныхъ. Мщеніе
 величію несвойственно ; Россія забыла
 поступки Султана Селима, вредные для
 нее и для самой Турціи. Французы
 торжествуютъ, видя распри народовъ.
 Дай Богъ намъ прочной миръ , и дай
 Богъ, чтобы Турки никогда не были
 жертвою и игрою Французскаго ковар-
 ства. „Измаилъ Бей съ очевиднымъ удо-
 вольствіемъ сказалъ: искренность ваша
 мнѣ понравилась ; я люблю правду и
 долженъ согласиться съ вами, что наша
 Имперія, обманутая Французами, весь-
 ма виновата предъ Россіей ; я самъ
 это предвидѣлъ, но не имѣвъ никакихъ
 сношеній съ Портою , молчалъ. — За-
 будемъ прошедшее, и постараемся но-
 вымъ миромъ загладить ошибку Сул-
 тана Селима. Вашъ Фельдмаршалъ
 извѣстенъ по дѣламъ своимъ; онъ удо-
 стоенъ полной довѣренности Государя
 своего; онъ конечно не захочетъ, чтобы
 напрасно лилась невинная кровь. Я
 вамъ откровенно и смѣло могу обѣ-
 явить, что съ моимъ войскомъ не спра-
 шусь никакого непріятеля; но прошивъ

Россіянь не надѣюсь удачи; мира и спокойствія искренно желаю.“

Потомъ спросилъ меня Измаилъ Бей: „выступитъ ли ваше войско изъ Молдавіи и Валлахіи послѣ заключенія мира?“ Я ему отвѣчалъ: условія мира мнѣ не извѣстны; вы сами скоро обо всемъ узнаете подробно.

При концѣ нашего разговора Измаилъ Бей мнѣ дружески сказалъ: ни за что не выпущу васъ изъ Сереза, по крайней мѣрѣ при дни; жалуйтесь на себя: вы привлекли къ себѣ мое сердце; вы не воспротивились желанію нашихъ сердецъ: какъ любезному гостю и радостному вѣспнику предложимъ, что можемъ. Вы Руской; а мы слышали, что и Рускіе любятъ гостепріимство.“

Давъ слово пребыть при дни въ Серезѣ, я возвратился домой, гдѣ посѣщали меня нѣкоторые Турецкіе чиновники. Знапѣйшіе Греки приходили безпрестанно поздравлять меня съ пріѣздомъ. Многіе изъ нихъ старались меня обольстить своими плутовскими разговорами, говоря за шайну: „мы испини-

но восхищены вашимъ прїѣздомъ; радуемся душевно, что вы такой же Христїанинъ какъ и мы; съ вами можемъ быть мы опкровенны. Позвольте изъяснить предъ вами общее желаніе нашихъ сердецъ.—„Я согласился слушать ихъ, и они продолжали. „Мы весьма не довольны Турецкимъ правленіемъ; истинно желаемъ быть подъ покровительствомъ Россіи; конечно Богъ милосердый насъ спасетъ отъ варваровъ; пророчества Святыхъ нашихъ опцовъ вѣщающъ, что по всѣмъ правамъ престолъ Константинопольской долженъ принадлежать Царю Константину; мы имѣемъ надежду на Всемогущаго Творца въ томъ, что сіе пророчество когда нибудь совершится.“

Припомня, что знаменишой Руской Посланникъ Булгаковъ, нѣкогда говорилъ: „Греки на бѣду мою родились въ Турціи!“ я вооружился оспорожноспію, и отвѣчалъ имъ съ припворною досадою: „народъ, которой недоволенъ своимъ Государемъ, ни къ чему не можетъ быть полезенъ: мы видимъ многія

Государства въ ничтожество пре-
 обращенныя; что поему причиной? внут-
 реннія возмущенія. Куда дѣлась Гре-
 ція, спрана просвѣщенія и наукъ? Но сіе
 просвѣщеніе во вредъ имъ послужило:
 когда Греки заумспвовались; когда
 злословили каждый шагъ своихъ прави-
 телей: закипѣли спраспи, произошелъ
 внутренній раздоръ — и славная Греція
 пала! . . .

Они перемѣнили разговоръ, и болѣе
 мнѣ недокучали своими предсказаніями.
 Я примѣтилъ, что они нимало не сму-
 тились отъ моихъ словъ, почему и
 догадываюсь, что они нарочно были
 подосланы вывѣдать мои мысли: оспо-
 рожность во всякое время хороша; а
 при семъ случаѣ охранила она и честь
 мою, и личную безопаснсть. Греки
 отнюдь не посмѣли бы говорить такъ
 дерзко въ городъ Турецкаго правленія,
 естлибъ Измаилъ Бей самъ ихъ не нау-
 чилъ. Благодаря Бога и помня оспоро-
 жность, я не забывалъ и того, что въ чу-
 жой споронѣ должно обращаться по обы-
 чаемъ земли, а не по своимъ прихоніямъ.

Н о я б р я 26.

По утру рано пошелъ я пѣшкомъ разсматривать городъ Серезъ. Положеніе онаго пріямно: нѣкоторыя строенія на равнинѣ, а другія на возвышеніи. Городъ лежитъ внизу горъ Балканскихъ, изъ которыхъ течетъ безпрестанная вода. Повсюду мѣстамъ сдѣланы по срединѣ каждой улицы протоки, въ которыхъ безпрестанно шумитъ вода; по улицамъ можно бѣдить только верхомъ. Строеніе въ городѣ весьма древнее. Я заходилъ, по долгу Христіанскому, въ старинныя церкви: одна называется Святаго Θεодора, другая Святаго Николая. Созиданіе сихъ храмовъ счищаютъ нѣсколько сотъ лѣтъ; отъ древности оныя почти до половины спустились въ землю, о чемъ сказывали священники сихъ церквей.

Въ церкви Святаго Николая выслушалъ я молебствіе, и принесъ благодареніе Всевышнему за благополучное мое возвращеніе изъ Константинополя. Мысль, что приближаюсь къ благословеннымъ странамъ Россіи; сія сладостная мысль перенесла меня къ мир-

ному жилищу моего почтеннаго родителя. „Боже! вѣщай я: храни его старость: да узришь онъ, что сынъ его старался быть его достойнымъ.“

Серезскія церкви во всемъ съ нашими сходны, каменные стѣны непомѣрной толщины, что можно полагать по крайней мѣрѣ въ три аршина.

Я зашелъ къ здѣшнему Архіерею; имя его отецъ Серопъ Константинъ; сей пастырь отличнаго ума. Благочестивый отецъ принялъ меня очень ласково, и между разговорами, выхваляя благоразумныя распоряженія Измаилъ Бея, говорилъ: Измаилъ Бей истинный покровитель Христіанъ; никто не смѣетъ изъ Мусульманъ оскорбить Христіанина. За малую обиду Измаилъ Бей немедленно предаетъ казни. Всѣ Христіане почидаютъ его опцомъ, и покойны подъ его защитою. „Благочестивый пастырь! отвѣчай я: милосердый Богъ вездѣ хранишь чадъ своихъ: онъ и въ поклонникъ Лжепророка послалъ имъ защитника и благодѣтеля? Я не примину лично изъяснить мою

признапельность Измаилу Бею за великодушное его расположение ко всѣмъ Христіанамъ.“ Архіерей весьма былъ доволенъ моею чувствительностію; онъ спросилъ мое имя и записалъ для памяти. Потомъ, принявъ благословеніе отъ сего святаго отца, я съ нимъ простился.

Въ сей же день посѣщило меня все семейство моего хозяина. Одежда здѣшнихъ Гречанокъ очень спранныя: убранство ихъ богатое; онѣ обвѣшаны золотою монетою и крупнымъ жемчугомъ; брови и волосы на головѣ чернятъ, разкидывая и раздѣляя на множество плешковъ, что дѣлаетъ ихъ безобразными и спрашными. Разговаривать съ ними долго не могъ; онѣ на всѣ мои вопросы весьма несмысленно отвѣчали. Для нихъ это проспительно: онѣ вѣчно заключены въ своихъ домахъ; даже и за обѣдомъ женской полъ за споломъ не сидитъ съ мужчинами.

Н о я б р я 27.

Безпрестанно посѣщали меня разные чиновники города Сереза; разговоръ

нашѣ соспоялѣ въ однихъ пустыхъ привѣтствіяхъ. Я старался отклонить всѣ вопросы о дѣлахъ политическихъ.

По полудни въ четыре часа Измаилъ Бей прислалъ просить меня къ себѣ. Сынъ его встрѣтилъ меня на крыльцѣ; самъ же Измаилъ Бей при дверяхъ своего покоя; двое чиновниковъ подъ руки ввели меня къ нему. Мнѣ казалось, что Измаилъ Бей еще спалъ со мною ласковѣе; я приписывалъ это тому, что оспороженъ былъ съ хипрыми Греками.

Когда намъ подали кофе и трубки по ихъ обычаю, я сказалъ ему: „вы вездѣ любимы и уважены; это общій голосъ здѣшнихъ Христіанъ: какъ Христіанинъ благодарю васъ за моихъ собратій.“

Измаилъ Бей отвѣчалъ: „мой первой долгъ защищать Христіанъ болѣе, нежели моихъ одновѣрцовъ; народъ въ чужой землѣ достоинъ сожалѣнія, вниманія и покровительства.“

Пользуясь симъ случаемъ, я потчасъ просилъ Измаила Бея о начальникѣ въ

Кешѣ Хажи Оглу Ахметѣ Агѣ, чтобы его утвердиль навсегда въ начальничьемъ званіи. Всѣ тамошніе жители, сказалъ я, искренно имѣ довольны, и единодушно желаютъ имѣть его своимъ начальникомъ.

Измаилъ Бей отвѣчалъ : „мнѣ весьма пріятенъ такой отзывъ о Турецкомъ начальникѣ ; не могу вамъ ни въ чемъ отказать. По вашему предложенію охотно назначу навсегда начальникомъ Хажи Оглу Ахметѣ Агу въ городѣ Кешѣ, и увѣряю васъ, что съ сего времени буду имѣть къ нему особенную любовь, и въ уваженіе вашей просьбы тотчасъ пошлю къ нему нарочнаго Татарина поздравить его безсмѣннымъ начальникомъ въ Кешѣ. Позвольте, продолжалъ Измаилъ Бей, въ знакъ душевной моей къ вамъ преданности и въ залогъ дружбы, подарить васъ по нашему обыкновенію кафтаномъ, вышитымъ золотомъ ; сей кафтанъ у меня нѣсколько уже лѣтъ приготовленъ для перваго друга. „Въ

ту же минути принесли кафтанъ и надѣли (*).

Измаилъ Бей сказалъ: „нашъ обычай можетъ быть покажется вамъ страннымъ, но будьте снисходительны; сей подарокъ подноситъ вамъ дружба и искренность. Не забудьте меня въ Россіи; а я, пока живъ, буду помнить, что имѣлъ любезнаго гостя въ моемъ домѣ. Можетъ быть война возгорится между нашими Государствами, (опъ чего Боже избавь!) но мы, свято исполняя повелѣнія нашихъ Государей, и во время войны сохранимъ дружескія чувства въ сердцахъ нашихъ.“

„Вашего гостепріимства, отвѣчалъ я, нигдѣ и никогда не забуду.“ Въ Турціи гостепріимство свято соблюдается; жаль, что опъ нагосныхъ иноплеменныхъ предубѣжденій сія коренная добро-

(*) Кафтанъ сей, вышитой богато и искусно золотомъ, цѣною болѣе ста червонныхъ; а опъ меня отправленъ оной въ подарокъ къ моему родителю въ село Мещаловку.

дѣшль Рускихъ ослабѣваетъ въ землѣ Руской.

Наконецъ Измаилъ Бей объявилъ мнѣ, что желаетъ меня опправить въ Руску къ своему другу Ахметъ Эфенди, твердо надѣясь, что я возвращусь благополучно. Одного Тапарина послалъ онъ впередъ заготовлять для меня лошадей, и предупреждать всѣхъ градскихъ начальниковъ о моемъ прїѣздѣ; офицера же своего далъ проводить меня до самаго Букареста, или куда я самъ захочу. Въ присутствіи моемъ сказалъ имъ, чтобы они безъ письма моего къ нему и не показывались. Съ Тапариномъ же опправилъ приказъ по всѣмъ городамъ, гдѣ я буду проѣзжать, въ сихъ короткихъ словахъ. „Каждой начальникъ отвѣчаетъ своею головою за щасливой проѣздъ Россійскаго Офицера. Въ мѣстечкѣ, или въ городѣ, въ какомъ бы то ни было, ежели ему причинятъ хотя малое неудовольствіе, то мѣсто будетъ испреблено и превращено въ прахъ.“

Европейцамъ сей приказъ можетъ быть покажется варварскимъ; но кажется лучше предупреждать зло угрозами, нежели давая поводъ ко злу мнимою снисходительностію.

Разставаясь съ сердечною благодарностію съ Измаилъ Беемъ, мы дали слово писать другъ къ другу.

Всѣхъ чиновниковъ во дворъ его, равно и провожаемыхъ, наградилъ я щедро, сообразуясь съ ихъ обыкновеніемъ.

Н о я б р я 28.

По утру рано до свѣту, простясь съ хозяиномъ дома, Грекомъ Дмипріемъ Хожи Коспи и съ его семействомъ, выѣхалъ я изъ города Сереза. Недалеко отъ горъ Балканскихъ встрѣпилъ насъ проливной дождь. На вершинахъ горъ посыпалъ густой снѣгъ. Чѣмъ выше я всходилъ, тѣмъ ощутительнѣе становился холодъ; на горахъ лежалъ глубокой снѣгъ.

Въ каждой деревнѣ на пути моемъ всѣ мужики Булгары за версту выходили на встрѣчу, и провожали до самого

двора начальника, держа за повода мою лошадь, и почти на рукахъ несли меня.

Отѣхавъ шесть часовъ отъ Сереза, остановился я обѣдать въ одной деревнѣ, гдѣ для меня все было приготовлено на образецъ Европейской. Послѣ обѣда, по выѣздѣ изъ деревни, поднялась ужасная метель, и снѣгомъ замѣшало дорогу. Не смотря на вьюгу, я продолжалъ ѣхать. Для очищенія дороги посланы были впередъ пятьдесятъ мужиковъ; но проѣхавъ шесть часовъ, и безпрестанно взбираясь на крушыя горы, я совсѣмъ выбился изъ силъ. Не добѣжая перемѣны, остановился ночевать въ деревнѣ, въ домѣ начальника. Все нужное къ успокоенію для меня было готово; всѣ старались мнѣ угождать.

Н о я б р я 29.

Я пріѣхалъ въ городъ Навракопъ, осмнадцать часовъ отъ Сереза, рано по утру. Начальникъ въ ономъ городѣ Абдулъ Лапивъ Ага, съ 600 человекъ войска. Онъ меня принялъ съ пышными обрядами; убѣдительною своею прозьбой

Ж 2

склонилъ меня у него ночевать по причинѣ спрашной выюги; къ тому же я долженъ былъ пробираться высокими горами по узкой пропинкѣ двенадцать часовъ косогоромъ, по крупому берегу рѣки. „Соглашаюсь ночевать,“ сказалъ я начальнику, не для себя, но для моихъ провожатыхъ. Выюга, крупныя горы не спрашивъ Рускаго Офицера: онъ помнилъ только свой долгъ.“

Спустя два часа, пріѣхали ко мнѣ первые чиновники города, между которыми былъ военнопленный, бывшій во время взятія крѣпости Измаила при Графѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ. Сей Турецкой чиновникъ довольно хорошо обѣяснялся по Руски, и неумолчно хвалился дружбою и ласкою нѣкоторыхъ Рускихъ, когда онъ находился въ плѣну; многихъ называлъ по имени и опечесиву. Онъ мнѣ рассказывалъ, что получилъ четыре раны; но неусыпными стараніями Россійскихъ врачей излечился. „Никогда, говорилъ онъ, не могу забыть безкорыстную добродѣтель Рускихъ; въ нихъ нашелъ и родныхъ, и

друзей. Никогда, никогда не искоренился, воскликнулъ онъ со слезами, изъ памяти моей священное имя Россіянъ! Сильно ихъ оружіе, еще сильнѣе великодушіе ихъ.“

Съ сердечною чувствительностію отвѣчалъ я благодарному Туркѣ: „человѣкъ съ такими чувствами, какъ вы, вездѣ себѣ найдетъ истинныхъ друзей; кто умѣетъ ощущать цѣну благодѣяній, тотъ самъ готовъ всегда благошворить. Благодарность ваша къ Рускимъ свидѣтельствуешь благородство вашей души.“

Послѣ сихъ словъ чиновники выѣхали; я съ сожалѣніемъ съ ними расстался и просилъ меня помнить. Одинъ изъ чиновниковъ записалъ мое имя.

Н о я б р я 30.

Хотя по утру метель продолжалась; но я отправился съ нѣсколькими провожаемыми до города Розлога, разстояніемъ семнадцать часовъ.

Жаль мнѣ было смотрѣть на бѣдныхъ Турокъ, моихъ сопутниковъ; имъ крайне не хотѣлось ѣхать въ такую непогоду; думаю, что внутренно они

бранили и меня, и мое терпѣніе. Они мнѣ говорили объ опасной дорогѣ, и что легко можно пропасть. Я возразилъ Русскою поговоркою: *на міру и смерть красна*, и прибавилъ: „Богъ намъ надежда, чего бояться? Кто не имѣетъ Святой вѣры и чистаго сердца, тотъ ославайся; но я точно знаю, что между нами нѣтъ злыхъ людей.“ Они развеселились, и мы подъ шумомъ грозной вьючи понеслись на рысяхъ.

Дорога весьма опасная; пропинка узкая косогоромъ и къ тому скользкая; съ одной стороны глубина неизмѣримая и едва слышенъ шумъ быстрой рѣки; съ другой утесистыя скалы. Многіе изъ купцовъ и путешествующихъ низвергаются вѣтромъ въ пучину; а мы, съ надеждой на Бога, проѣхали горы благополучно, и по полудни въ семь часовъ прибыли въ городъ Розлогъ. Начальникъ города Халиль Ага, съ двумястами челоуѣкъ войска, принялъ меня очень хорошо; я тамъ ночевалъ. Въ окрестностяхъ Розлога много теплыхъ бань: цѣлительная вода,

текущая изъ горъ, почти заливаєть улицы; она тепла и испускаетъ густой паръ. Многіе иностранцы для излеченія болѣзней прїѣзжаютъ въ Розлогъ. Утверждаютъ, что сія вода исцѣляетъ отъ многихъ заспарѣлыхъ болѣзней.

Д е к а б р я 1.

Я выѣхалъ рано съ придцапью чело-вѣками провожаемыхъ до города Пазар-чика, двадцать четыре часа отъ Роз-лога. По причинѣ долгаго, чрезвычайно гористаго переѣзда, я принужденъ былъ ночевать въ одномъ мѣстечкѣ, въ ше-сти часахъ отъ Пазарчика. Я остано-вился у гостепріимнаго Турки, копо-рой меня спрашивалъ безпрестанно, что мнѣ нужно, и доволенъ ли я уго-щеніемъ? За искреннее гостепріимство подарилъ я доброму хозяину богатой шабачной мѣшокъ, купленной въ Кон-стантинополѣ.

Мѣстечко сіе славится по всей Тур-ціи честностію и гостепріимствомъ жи-телей. Дай Богъ болѣе такихъ мѣсте-чекъ и такой доброй славы!

Д е к а б р я 2.

Я прїѣхалъ въ городъ Пазарчикъ по утру въ одинадцать часовъ чрезъ крутыя вершины горъ. Лошадь подо мною не рѣдко спотыкалась; къ щастію глубокой снѣгъ покрывалъ камни, что и спасло меня отъ каменныхъ ушибовъ. На каждомъ шагу былъ я подверженъ смертельному удару: лошадь съ крутой горы не могла спускаться, а качилась на всѣхъ чепырехъ ногахъ, какъ будто на конькахъ; пѣшкомъ же иппи еще труднѣе по тому, что легко можно сбиться съ тропинки, и упасъ въ пропасть.

Начальникъ въ Пазарчикъ Гассанъ Бей Каваназъ Оглу, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ, имѣетъ пятнадцать тысячъ войска. Онъ выслалъ мнѣ на встрѣчу двадцать пять человекъ, которые проводили меня къ нему во дворъ. Самъ онъ принялъ меня на крыльцѣ, поздравилъ съ прїѣздомъ; и когда мы вошли въ комнапы, онъ сталъ упрашивать остаться здѣсь ночевать, говоря: „я за честь почитаю имѣть у себя та-

кого пріятнаго госпя. Измаилъ Бей пишеть мнѣ, чшобы я васъ какъ можно лучше угостилъ. Пользуясь такимъ случаемъ, гошовъ доказать мою дружбу Измаилу Бею и заслужить и ваше ко мнѣ расположеніе.“ Не нахожу словъ, отвѣчалъ я, чшобы довольно отблагодаришь васъ и Измаила Бея... „Смѣю вамъ объявить, продолжалъ онъ, что прямая дорога до Рущука на городъ Карловъ, но шуда шеперь опасно ѣхать. Тамъ заперся бунповщикъ Еликъ Оглу, которой былъ предъ симъ въ Селиспрѣ. По смерти Мустафы Паши, онъ выгнанъ отшуда тамошнимъ народомъ, что и принудило его бѣжать въ Карловъ, гдѣ причиняетъ различныя наглоси пробѣжающимъ. Не смотря на то отважился просить защиты Измаила Бея, и ожидаетъ отъ него скоро разрѣшенія. Я намѣренъ васъ отправить по Константинопольской дорогѣ въ городъ Филиппополь, гдѣ нѣтъ никакой опасности. Нельзя ѣхать прямой дорогой; вездѣ возспали бунты послѣ смерти Мустафы Паши. Вамъ должно оспе-

речься. Побзжайте надежнѣйшимъ путемъ. Хопя вы каждой день то приближаться, то отдаляться будете отъ Рущука; за терпѣніе вы будете спокойны.“

Гдѣ доброй совѣтѣ, тамъ должна быть и благодарность. Я отвѣчалъ: „опправление мое зависитъ отъ тѣхъ начальниковъ, попеченію копорыхъ поручилъ меня Измаилъ Бей.“ Между прочимъ Гассанъ Бей спрашивалъ меня о заключеніи мира между Порпою и Россіею, на что я ему сказалъ: все, что происходишъ между высокими Дворами мнѣ совершенно не извѣстно, и вникашъ въ оное я почишаю за пресупленіе, зная только то, что общее наше желаніе видѣшъ обѣ державы въ мирѣ и союзѣ. Богъ милостивъ; возложимъ на него упованіе.“

Такимъ образомъ я отдѣлался отъ дальнихъ его разпросовъ, касательныхъ политическихъ дѣлъ.

Городъ Пазарчикъ довольно обширенъ, и строеніе обширное, между копорымъ есть много каменнаго. Впрочемъ досто-

памятнаго вѣ ономѣ городѣ я ничего не видалѣ. Для препровожденія меня до города Филипополя, Гассанѣ Бей приказалѣ приготоуишь кѣ заупрешнему дню пятьдесятѣ человекѣ отборныхѣ людей.

Д е к а б р я 3.

Я приѣхалѣ рано по утру вѣ городѣ Филипополь, разстояніемѣ, отѣ Пазарчика шесть часовѣ. Сорокѣ человекѣ, вѣ великолѣпномѣ нарядѣ, выѣхали мнѣ на встрѣчу, и препроводили меня до шамошняго Архіерея, гдѣ назначенѣ мнѣ былѣ постой.

Начальникѣ сего города Назырь-Роспамѣ-Ага, съ семнадцатью тысячами человекѣ войска. Окресные жишели, недовольные имѣ, хопяшѣ его выгнашѣ изѣ города, а болѣе для того, что онѣ опредѣленѣ вѣ начальники Муспафой Пашей.

Назырь Роспамѣ, ни мало не уважая несправедливое ихѣ неудовольствіе, принялѣ всѣ предосторожности, и имѣешѣ при себѣ во дворѣ около семи тысячѣ вѣрнѣйшихѣ людей. Архіерей, у котораго я остановился, весьма былѣ

радѣ, и угощалъ меня съ душевнымъ усердіемъ: онѣ открылся мнѣ, что желаетъ переселиться въ Россійскіе предѣлы. „Гдѣ же частныя смятенія, сказалъ благочестивый пастырь, тамъ же частный страхъ и раззореніе. Блаженна та страна, гдѣ вѣра и законы сохраняютъ всѣхъ и каждого. Мы, каждую минуточку ждемъ бунта и кровопролитія.“

Соспирдая о бѣдственной участи благочестиваго пастыря, я желалъ имѣть крылья, чтобы скорѣе перелетѣть въ любезное отечество, гдѣ и свои и чужіе находятъ миръ и покой. По возможности спараясь успокоить Архіерея, чрезвычайно встревоженнаго мыслию о мятежахъ, я сказалъ: „судьба людей въ правосудной десницѣ всемогущаго, милосердаго Бога; безъ Его воли ничто не шворится. Кто ропщетъ противъ судьбы, тотъ идетъ противъ самаго Бога.“ Одобряя мои слова, Архіерей прибавилъ: „вижу, что вы выросли подъ руководствомъ благочестиваго наставника. Щастлива та земля, гдѣ въ юныя сердца вкореняютъ

силу и свяшость вѣры: гдѣ вѣра — тамъ добродѣтель, тамъ самъ Богъ на стражѣ народнаго щастія.“

Въ чепыре часа по полудни Назырь Роспамъ Ага прислалъ за мною верховую лошадь во всемъ уборѣ, съ пятидесятью человѣками провожаемыхъ. При вѣѣздѣ моемъ на дворъ, запищала музыка по ихъ обычаю; начальникъ вышелъ на крыльцо, поздравилъ меня съ прїѣздомъ, и повелъ въ покои, гдѣ было многочисленное общество. Всѣ почти говорили о мирѣ, и увѣряли меня, что ихъ единственнаго желаніе имѣть согласіе съ Россіей.

Назырь Роспамъ Ага сказывалъ мнѣ, что по всѣмъ дорогамъ опасно проѣзжать отъ возставшихъ буншовъ, но что онъ отправилъ меня благонадежно до границъ другаго начальника, его друга. „Опасности происходятъ отъ того, прибавилъ онъ: что во многихъ городахъ жили, послѣ смерти Мустафы Паши, выгнали своихъ начальниковъ, назначенныхъ покойнымъ Визиремъ,

и теперь на мѣсто оныхъ пребываютъ другихъ отъ Порты. Для усиленія же возмущенныхъ, Ахметъ Эфенди, Руцукской намѣстникъ, послалъ нѣсколько тысячъ своего войска, чтобы принудить жителей принять старыхъ своихъ начальниковъ: Богъ знаетъ долго ли это продлился.

Я отвѣчалъ: бунтовщики никогда не могутъ держаться противъ воиновъ, охраняющихъ опечеснво свое, и безъ сомнѣнія скоро должны быть истреблены.“

Назырь Ростамъ Ага и прочіе часто заводили рѣчь о политическихъ дѣлахъ; но я умышленно обратился въ Констан-тинопольскому бунту и къ преднамѣреніяхъ Мустафы Паши. Такимъ образомъ я отдѣлался, и мы распрощались.

Д е к а б р я 4.

Горестно мнѣ было расставаться съ Архіереемъ. Переѣздъ до города Черпанъ десяти часовъ отъ Филипополя. По причинѣ опасной дороги дано мнѣ было семдесятъ человекъ провожатыхъ. Изъ каждой деревни по пути множеснво

поселянѣ выходили мнѣ на встрѣчу. Я пріѣхалѣ въ городѣ Черпанѣ по захожденіи солнца; всѣ ворота были заперты: жители, обѣяшыя страхомѣ, всякой день ожидали нападенія бунтовщиковѣ. Мнѣ съ великимѣ трудомѣ и по усильному настоянію отперли ворота. Начальникѣ въ Черпанѣ Халилѣ Ага Окулай Оглу, съ тремястами челоуѣкъ войска. Я не имѣлѣ чести съ нимѣ видѣться по причинѣ позднаго времени. Онѣ прислалѣ поздравить меня съ пріѣздомѣ, спросить о моемѣ здоровьѣ и доволенѣ ли я ночлегомѣ. Бывѣ до крайности утомленѣ, послѣ ужина тотчасѣ легѣ отдохнуть, не уважая тѣхѣ опасностей, о которыхѣ мнѣ провожающіе рассказывали. Слухѣ носился, что въ сію ночь бунтовщики намѣрены напасть на городѣ. Слыша ежечасно о мятежахѣ, я, такѣ сказахѣ, ознакомился со смертію, и приготавилѣ себя ко всему.

Д е к а б р я 5.

На самомѣ разсвѣтѣ выѣхалѣ я до города Загры, восемь часовѣ отѣ Черпана. Вездѣ давали мнѣ большое число

провожаемыхъ ; опасностей не встрѣчалъ, и благополучно пріѣхалъ по полудни въ три часа въ городъ Загры. Въ семъ городѣ начальникъ Хаджи Мехметъ Ага Кабаджи Баши, съ пятью спами человекъ войска ; и путь всѣ были сопровождены. Не теряя времени, съ поспѣшностію того же дня я выѣхалъ до города Казанлыка, шесть часовъ отъ Загры. По крайней мѣрѣ на разстояніи двадцати пяти верстъ проѣзжалъ я розовые обширные сады, единственное произведеніе города Казанлыка, гдѣ дѣлаютъ лучшее розовое масло и розовую воду, которую посылаютъ для продажи во всѣ мѣста, даже и въ самой Константинополь. Въ десять часовъ ввечеру я пріѣхалъ въ Казанлыкъ, и тамъ остался ночевать. Начальникъ города *Кюллей Гассанъ Ага*, съ пятью спами человекъ войска. Онъ прислалъ ко мнѣ перваго своего чиновника спросить о моемъ здоровьѣ, и объявить, что я уже отъ всѣхъ опасностей уклонился, и былъ бы увѣренъ, что до самаго Рущука я буду спокоенъ. Къ тому же прислалъ

мнѣ въ подарокъ розоваго масла и розовой воды. Я просилъ изъяснить начальнику мою чувствительнѣйшую благодарность, и чиновнику подарилъ нѣсколько червонцевъ.

Вчерашній день прибылъ въ Козанлыкъ изъ Рущука Кара Мустафа съ тремя тысячами человекъ конницы. Онъ посланъ отъ Ахметъ Эфенди напастъ на бунтовщика Еликъ Оглу въ Карловъ, и чрезъ три дни должно быть у нихъ кровопролитное сраженіе.

Д е к а б р я 6.

Съ восхожденіемъ солнца я выѣхалъ изъ Казанлыка. Погода была прекрасная, и я съ большимъ удовольствіемъ проѣзжалъ ароматные сады. Благоуханіе ихъ отъ большихъ холодовъ было уже недѣйствительно, но расположеніе восхищительно. Я пріѣхалъ въ деревню Шибку, подлѣ которой находится гора, названная по деревнѣ; высота оной превосходитъ всѣ Балканскія горы въ Турціи. Видъ сей горы ужасомъ поражаетъ взоры, и при маломъ вѣтрѣ проѣзжать оную опасно: вершина со-

вершенно гола, и не только деревьевъ, даже и куста нѣтъ. Во время вѣтра на сей горѣ многіе погибаютъ; важнѣйшіе курьеры иногда принуждены по недѣлѣ ждають благопріятной погоды. Окрестные жители безошибочно знаютъ время, когда можно сію гору пробѣжать. Къ щаспію моему я могъ пуспиться на гору безпрепятственно; вѣтра не было. При вѣздѣ на гору, солнце во всемъ блескѣ меня освѣщало; но мало по малу солнечные лучи исчезли, и я почувствовалъ необыкновенной холодъ, когда приближался къ облакамъ, которые на подобіе тумана въ густотѣ вокругъ меня носились. Я былъ покрытъ чрезмерно сильнымъ инеемъ. По прошествіи девяти часовъ взшелъ наконецъ на самую вершину горы. Хотя погода была пасмурная, но тихая. Я наслаждался зрѣлищемъ облаковъ, носившихся и расплывавшихся по землѣ надъ долиною. Солнце внизу горы озлащало облака: съ одной стороны казались они волнистымъ моремъ, а съ другой носились на подобіе движущихся горъ.

Восхищаясь такимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, по убѣдительной просьбѣ моихъ провожатыхъ спустился я съ горы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я принужденъ былъ слезать съ лошади, и отъ чрезмѣрной крупизны на спинѣ скапывался, что дѣлали и всѣ мои спутники. Пять часовъ сряду боролся я съ ужасною сею горой, наконецъ пробѣжалъ опасныя крупизны благополучно, и въ полночь прибылъ въ городъ Тырноу, 18 часовъ отъ Казанлыка. Начальникъ въ семъ городѣ Фезъ Ага, съ 300 человекъ войска. Я такъ ослабѣлъ отъ дороги, что едва могъ сойти съ лошади. Благодаря Бога, ночлегъ былъ прекрасный у самого начальника. Подкрѣпясь пищею, уснулъ такимъ сладкимъ сномъ, которой только могутъ знать упомянутые путешественники, и которые изъ за облаковъ спустились на землю.

Рано по утру начальникъ города Тырноу, Феизъ Ага, навѣстилъ меня, и привѣтствовалъ съ добрымъ утромъ. Поблагодаря ласковаго начальника, я отправился въ путь. Отъ Тырноу до го-

рода Рущука, двадцать часовъ разстояніемъ, дано мнѣ пятнадцать человѣкъ провожатыхъ. Послѣдній сей переѣздъ истребилъ изъ памяти моей всѣ прошедшія трудности. Я съ восхищеніемъ говорилъ самъ себѣ: „вотъ предѣлъ моихъ мученій.“ Не пѣгости путешествія, но бунты меня превозжили; я зобопился о жизни пощому только, чтобы исправно доставить отвѣтъ Порты нашему Фельд-маршалу. Въ разсужденіи большаго переѣзда до Рущука, а къ тому же и маленькихъ рѣчекъ, черезъ которыя переправлялся въ бродъ, принужденъ я былъ остановиться ночевать на половинѣ дороги въ одной деревнѣ. Тамошній Турецкій начальникъ Баркалобой принялъ меня ласково и гостепріимно. Я нарочно записывалъ имена добрыхъ Турецкихъ начальниковъ: пріятно помнить имена всѣхъ дѣбрыхъ людей. Между тѣмъ съ не обыкновеннымъ неперпѣніемъ ожидалъ я утра, и не могъ почти всю ночь спать: мыслями и сердцемъ былъ я уже въ Рущукъ; былъ тамъ, гдѣ мои соотечественники! . . .

Д е к а б р я 8.

Благодаря Бога, прїѣхалъ я благополучно въ городъ Руцукъ въ семь часовъ по полудни (*). У самыхъ воротъ встрѣченъ былъ нѣсколькими Турецкими всадниками, которые меня проводили прямо во дворъ къ ихъ главному начальнику Русеки Ая Ахметъ Эфенди; у него десять тысячъ человекъ войска. Весь дворъ наполненъ былъ его шлохранишелями, музыка безпрестанно играла, и всѣ радостно меня принимали. Самъ Ахметъ Эфенди встрѣтилъ меня въ своихъ покояхъ, и былъ внѣ себя отъ удовольствія. Онъ посадилъ меня подлѣ себя, и началъ говорить съ восхищеніемъ: „мы всѣ о васъ безпокоились, а особливо почтенной вашъ Фельдмаршалъ, по причинѣ происшедшаго возмущенія въ Константинополѣ и во внутренности нашего Государства; но я въ поручительство за васъ послалъ въ Букарестъ

(*) Всего отъ Константинополя до Руцука 226 часовъ. Полагая въ часъ по 5 верстъ 1130 верстъ, и того всей дороги 330 часовъ, 1650 верстъ.

душевнаго моего друга Манука Бей, за котораго я готовъ жертвовашь своею жизнію, и ежели бы (избавь Боже)! вамъ случилось что либо непріятное, то Манукъ Бей обязанъ былъ за васъ пострадать. Признаюсь, я твердо уповаъ, что вы безопасно и щасливо возвратитесь: имя ваше по всему нашему Государству сдѣлалось извѣстно; Порты уведомила объ васъ всѣхъ начальниковъ. „Хотя отъ трудной дороги пострадало мое здоровье, отвѣчалъ я, но я не былъ бы достоинъ имени человека, если бы забылъ когда нибудь чистосердечное гостепріимство вашихъ соотечественниковъ.“

Миръ, благословенный миръ! Сіе слово изъ устъ нашихъ не выходило! . . . Ахметъ Эфенди признался, что Французы въ Консантинополѣ пронырствами своими домогаются воспрепятствовать миру Порты съ Россіею.

Въ то же время Ахметъ Эфенди объявилъ мнѣ, что онъ на другой день пошлетъ весьма рано къ Фельдмаршалу нарочного съ извѣстіемъ о моемъ

пріѣздѣ. Пожелавъ другъ другу доброй ночи, мы разспались съ нимъ до завтрашняго дни.

Мнѣ опвели домъ Богоса, гдѣ я обыкновенно останавливался, пріѣзжая въ Руцукъ.

Д е к а б р я 9.

Я хотѣлъ выѣхать непременно изъ Руцука; но Ахметъ Эфенди, видя, что я не очень здоровъ, убѣдительно меня удерживалъ, и наконецъ я рѣшился пробыть еще одинъ день. Медленность, примолвилъ я, Рускому не прилична.

Ахметъ Эфенди на другой день представилъ мнѣ одного осьмидесяти лѣтняго старика, почтеннаго видомъ и сѣдинами. Онъ мнѣ сказалъ: „сей почтенной старикъ всѣмъ извѣстенъ своею добродѣтелью не только здѣсь, но и въ Константинополѣ. Онъ мнѣ разсказалъ тому дней десять, когда объ васъ всѣ въ городѣ безпокоились, что будто бы онъ видѣлъ во снѣ, что вы пріѣхали благополучно въ Руцукъ, украшенные орденомъ Луны, и что въ честь сего ордена въ домъ, гдѣ вы остановились, было

большое освященіе. На другой день сей старикъ объявилъ свой сонъ и увѣрялъ, что вы непременно должны пріѣхать чрезъ десять дней. Будучи недовѣрчивъ къ снамъ, я внутренно смѣялся. Но теперь дѣйствительно сонъ его совершился. Я наградилъ его; и еще вчерашній день хотѣлъ его вамъ представить.“

Спарцу предсказателю подарилъ я нѣсколько червонцевъ.

Д е к а б р я 10.

Я готовился выѣхать изъ Рущука въ два часа по полудни; въ самую минуту присланъ былъ ко мнѣ отъ Ахметъ Эфенди въ подарокъ, Арабской жеребецъ во всемъ Турецкомъ богатомъ уборѣ (*). Ахметъ Эфенди пригласилъ меня къ себѣ на прощанье. Я поѣхалъ къ нему на жеребцѣ; множество Турокъ провожали меня до самого его дворца.

Ахметъ - Эфенди сказалъ мнѣ: „я сего дни получилъ письмо изъ Кон-

---

(*) Оной жеребецъ съ уборомъ проданъ въ Букарестѣ за триста червонныхъ.

станпинополя, въ кошоромъ всѣ весь-
ма выхваляють вашу скромность и
благоразумные поступки со всѣми та-
мошними иносстранными Дворами. Чрезъ
три дни послѣ вашего отъѣзда изъ
Конспанпинополя, едва могли узнать
о содержаніи привезенныхъ вами бумагъ.
Французской Дворъ въ крайнемъ него-
дованіи на васъ; но наше Государство
чрезвычайно вами довольно. Три Ми-
нистра, назначенные для заключенія ми-
ра уже выѣхали изъ Конспанпинополя
назадъ тому двенадцать дней. Дай
Богъ заключить намъ миръ, и чтобы
дружба вѣчно царствовала между на-
шими Имперіями. „Пусть, оповѣчалъ я,
пусть Французы пронырствуютъ сколь-
ко хотять, Богъ все превозможетъ.“

Разсپаваясь съ Ахметомъ Эфен-
діемъ, повѣхалъ я на Арабскомъ же-
ребцѣ къ Дунаю. Три ста человекъ
войска провожали меня до самаго бе-
рега; и едва я переправился благопо-
лучно чрезъ Дунай, вдругъ началась
пушечная пальба изъ крѣпости Журжи
и изъ Рущука. Въѣзжая верхомъ въ

самую крѣпость, встрѣченъ я былъ радостными кликами народа. Все войско было собрано, ружейная стрѣльба продолжалась по всѣмъ улицамъ безпрестанно. Съ большею трудностію Паша Журжинской могъ прекратить стрѣльбу.

Я заѣхалъ къ Едимъ Пашѣ, гдѣ все было готово къ моему отправленію. Изъявля признательность за оказанную мнѣ честь, наградилъ нѣкоторыхъ его чиновниковъ, и просилъ засвидѣтельствовать мою душевную признательность Ахметъ Эфенди. Я отправился въ Букарестъ, куда пріѣхалъ передъ свѣтомъ. Благодаря Бога, прошедъ, такъ сказать, сквозь огонь и воду, я возвратился благополучно изъ предѣловъ Турціи къ Рускимъ войскамъ. Кто былъ на чужой сторонѣ, и кто любитъ родину, тотъ знаетъ, какъ сладостно свидѣться опять съ соотечественниками.

К О Н Е Ц Ъ.

Продается въ Москвѣ и въ С. Пе-
тербургѣ въ Книжныхъ Лавкахъ
Свѣшниковъ. Цѣна 3 руб.

Krasnokutskij, Aleksandr G.

Dnevnyja zapiski počzdki v Konstantinopoli Aleksandra Grigor'eviča
Krasnokutskago v 1808 godu

Moskva 1815

It.sing. 1405 k

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10468847-7